

Харро фон Зенгер

Том

1

1-18

С
П
Р
А
Т
А
Т
Е
М
Ы

Китайское искусство жить и выживать

Подарочные издания. Коллекция классики

Харро Зенгер

**Стратегемы 1-18. Китайское
искусство жить и выживать. Том 1**

«ЭКСМО»

1999

УДК 1(091)(510)
ББК 87.3(5Кит)

Зенгер Х. ф.

Стратегемы 1-18. Китайское искусство жить и выживать. Том 1 / Х. ф. Зенгер — «Эксмо», 1999 — (Подарочные издания. Коллекция классики)

ISBN 978-5-04-178957-2

Современная психология пришла к заключению, что взаимоотношения людей на всех уровнях являются определенными игровыми системами со своими правилами и особенностями. То, что названо играми, еще за несколько столетий до начала нашей эры было достоянием китайской культуры общения. Стратегемность мышления и поведения — а именно это понятие эквивалентно понятию игры — относится к характерным особенностям именно китайской цивилизации. В наибольшей степени понятие стратегемы сходно с понятием алгоритма в математике. А если не сравнивать с математикой, то стратегема означает стратегический план, в котором для противника заключена какая-либо ловушка, хитрость. Стратегемы составляли не только полководцы. Политические учителя и наставники царей были искусны в управлении гражданским обществом и в дипломатии. В Китае за несколько столетий до нашей эры выработка стратегических планов — стратегем — вошла в практику и, став своего рода искусством, обогащалась многими поколениями. Стратегемы стали секретным национальным достоянием. Их открытие признано одним из серьезных достижений академической востоковедной науки в нашей стране. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 1(091)(510)
ББК 87.3(5Кит)

ISBN 978-5-04-178957-2

© Зенгер Х. ф., 1999

© Эксмо, 1999

Содержание

Стратегематика – наука точная	7
К русскому читателю	30
Пролог	32
Стратегема открытых городских ворот	32
Приобретение наложницы путем измерения земли	34
Введение	35
Как было найдено слово	35
Тридцать шесть стратегем почтенного господина Тана	38
Тысячелетняя кристаллизация	40
Расцвет китайской литературы о стратегемах	42
Мир стратегем	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Харро фон Зенгер
Стратегемы 1–18. Китайское
искусство жить и выживать. Том 1

HARRO VON SENGER
STRATEGEME
BAND I

1999 by SCHERZ VERLAG, Bern, Munich, Wien

© Перевод на русский язык А.В. Дыбо, 1995, 2004, 2014, 2023 (Стратегемы 1–18)
© Вступительная статья и комментарии, В.С. Мясников, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Стратегематика – наука точная

*Возможно, самым поразительным
качеством китайцев является —
за неимением другого подходящего слова —
хитрость, лукавство, умение быть себе на уме.*

Линь Юйтан¹

В стихотворении М. Ю. Лермонтова «Дума» (1839 г.) есть строки:

Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

Никому не нравится быть обманутым². Моральный, а порой и материальный ущерб запоминается надолго. Причем моральный урон в большинстве случаев переживается сильнее, унижение и разочарование вызывают негативные эмоции³. Обман обычно воспринимается как свидетельство моральной нечистоплотности некоего лица, его хитрости, которая, как утверждал один из наших классиков, всего-навсего «низшее проявление ума». Исключением явился лишь влюбленный поэт, воскликнувший, что он «сам обманываться рад», тем более когда его герой философски утверждал, что «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Но представьте себе, что вы проиграли партию в шахматы или в шашки, причем, может быть, не одну, а несколько подряд. Вы ведь не заявите, что вас обманули, вы признаете, что противник сильнее вас, он владеет не только правилами игры, но ее сутью, тонкостями, стратегическим видением и тактическими ловушками. Все это – достоинства игроков высшего класса, гроссмейстеров. Их превосходство вы признаете без обиды.

¹ Линь Юйтан (1895–1976) – знаменитый китайский писатель и общественный деятель. Автор книг «Моя страна и мой народ», «Искусство жить», «Мгновение в Пекине», «И смех, и слезы», «Веселый гений. Жизнеописание Су Дунпо».

² Обмануть, обманывать – лгать словом или делом, вводить кого-либо в заблуждение, уверять в небыли, притворяться, принимать или подавать ложный вид, провести кого-либо, надуть, объехать на кривой, плутовать, мошенничать // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., «Универс», 1994. С. 1532.

³ См.: Далай-Лама, Пол Экман. Мудрость Востока и Запада. Психология равновесия. СПб., «Питер», 2011. Раздел «Как мы переживаем эмоции». С. 67–110.

Теперь, отбросив эмоции, допустим, что в жизни взаимоотношения людей на всех уровнях являются определенными игровыми системами со своими правилами и особенностями. Это не плод нашей фантазии, к этому заключению относительно недавно пришла современная психология. Родились понятия: транзакция – единица общения; процедуры, ритуалы и времяпрепровождения – простейшие формы общественной деятельности. Наконец, было сформулировано определение игр. «Игрой мы называем, – пишет выдающийся американский психолог Эрик Берн, – серию следующих друг за другом скрытых дополнительных транзакций с четко определенным и предсказуемым исходом. Она представляет собой повторяющийся набор порой однообразных транзакций, внешне выглядящих вполне правдоподобно, но обладающих скрытой мотивацией; короче говоря, это серия ходов, содержащих ловушку, какой-то подвох. Игры отличаются от процедур, ритуалов и времяпрепровождений, на наш взгляд, двумя основными характеристиками: 1) скрытыми мотивами; 2) наличием выигрыша. Процедуры бывают успешными, ритуалы эффективными, а времяпрепровождение – выгодным. Но все они по своей сути чистосердечны (не содержат «задней мысли»). Они могут содержать элемент соревнования, но не конфликта, а их исход может быть неожиданным, но никогда – драматичным. Игры, напротив, могут быть нечестными и нередко характеризуются драматичным, а не просто захватывающим исходом»⁴.

Блестящие открытия современных психологов страдают одним, отнюдь не умаляющим их значения недостатком: нынешние последователи Карла Юнга и не подозревали, что они описали явление, бывшее в течение тысяч лет достоянием китайской культуры общения. То, что ныне названо «играми», еще за несколько столетий до начала нашей эры было разработано и внедрено в повседневную жизнь в системе ценностей китайской цивилизации. Причем я хочу подчеркнуть, что стратегемность мышления и поведения – а именно это понятие эквивалентно понятию игры – относится к характерным особенностям именно китайской цивилизации, к достижениям ее философской и политической мысли. Этот феномен, внедренный в общественное сознание, с веками, перейдя национальные границы, отразился и на политической и общественной культуре таких восточноазиатских стран, как Япония, Корея, Вьетнам. И только теперь начинают соединяться традиционные китайские научные представления о человеке и его возможностях с данными европейской науки, которые весьма точно отразили суть философии не прямых действий⁵, именуемой стратегемным мышлением.

«Стратегемы являлись как бы синтезом результатов оценки ситуации и специфического приема, выработанного теорией для аналогичной обстановки. Содержание стратегемы раскрывалось и осуществлялось на практике через сумму специальных постановлений (императорских указов, распоряжений министерств, докладов от исполнителей). В наибольшей степени понятие стратегемы сходно с понятием алгоритма⁶ в математике»⁷, то есть системы операций, применяемых по строго определенным правилам, которая в результате последовательного их применения приводит к решению поставленной задачи. **Поэтому мы и называем стратегематику наукой точной.** Однако если говорить, например, о дипломатических стратегемах, то можно сказать, что «стратегемность – это своего рода дипломатическое карате: знающий

⁴ Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. Пер. с англ. М., «Прогресс», 1988. С. 37.

⁵ Гарт Б. Л. Стратегия не прямых действий. М., «Эксмо», 2008.

⁶ См.: Крицкий Н. А., Миронов Г. А., Фролов Г. Д. Программирование и алгоритмические языки. Под ред. А. А. Дородницына. М., «Наука», 1975. С. 64–65.

⁷ Мясников В. С. Традиционная китайская дипломатия и реализация Цинской империей стратегических планов в отношении Русского государства в XVII веке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., ИДВ РАН, 1977. С. 16.

правила, владеющий техникой может победить даже более сильного противника, если точно нанесены удары по его уязвимым местам»⁸.

При этом следует отметить, что «стратегемы существуют у всех народов, однако на Западе нет аналогов такого свода стратегем, который уже в течение почти трех тысячелетий характеризует традиционное китайское мышление. Он представляет собой своего рода зашифрованную таблицу умножения, известную каждому китайцу с детства и во многом организующую его поведение в различных жизненных ситуациях», – этот вывод был сделан нами в середине 90-х годов прошлого века⁹. Как показывает современное состояние науки о стратегемах, он не только не устарел, но, наоборот, постоянно подтверждается другими исследователями.

Это свидетельствует о том, что европейская стратегематика, зародившаяся в Древней Греции, через Рим и Византию просочилась в сознание начала той эпохи раннего Средневековья, в которой она увяла как несовместимая с установлениями христианской религии. Но возникает вопрос: где же, в какой из древних цивилизаций впервые зародились идеи использования особых приемов для достижения успеха в военном деле, дипломатии, в дворцовых переворотах и других сторонах жизни древнего общества? Источники свидетельствуют о том, что история Древнего Китая содержит наиболее обширный круг применения стратегем в политической жизни, вооруженных конфликтах, в общественных делах и в быту¹⁰. И именно китайская историческая и философская традиция подобно глубинному бурению позволяет извлечь на обозрение факты наиболее раннего применения стратегемных уловок¹¹.

Человечество с момента его становления было обществом информационным. Ни одну из цивилизаций, бывших в историческом прошлом или существующих ныне, нельзя изучать в отрыве от общечеловеческой цивилизации. Все цивилизации представляют собой варианты развития этой земной цивилизации, выражаясь языком музыки – вариации на тему прогресса человечества. Итак, первое требование – изучать цивилизации системно, то есть как систему цивилизаций, образующих нечто единое целое. Второе методологическое требование – изучать в сравнении¹². Достоинства и недостатки, достижения и промахи любой цивилизации легче всего обнаруживаются в сравнении ее с другой, развивавшейся в близких исторических условиях. Кстати, нет «мертвых цивилизаций», как иногда называют египетскую, греческую и ряд других цивилизаций, существовавших еще до нашей эры и не переживших исторические катастрофы. Гибель государств и гибель цивилизаций (их культур) это разные понятия, ибо государства лишь оболочки цивилизаций. Дело в том, что «душа» каждого цивилизационного комплекса, то есть его духовная культура, в тех или иных формах продолжает существовать в современном мире. Вопрос заключается в востребованности нами этих достижений былых цивилизаций. Если древние открытия и наработки в духовной сфере востребованы, то и цивилизация продолжает жить¹³. Даже если ее материальная культура стала добычей времени и, соответственно, археологов. Примером этому служит современное китайское общество, в

⁸ Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., «Наука», 1980. С. 53. То же, Хабаровск, Хабаровское книжное издательство, 1987. С. 54.

⁹ Мясников В. С. Антология хитроумных планов // Зенгер Х. фон. Стратегемы. М., «Прогресс», 1995. С. 5–17.

¹⁰ Васильев Л. С. Древний Китай. Т. 3. Период Чжаньго (V–III вв. до н. э.). М., «Восточная литература», 2006.

¹¹ Спешнев Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии. СПб., «Каро», 2011. С. 124.

¹² Интересный опыт сравнения цивилизаций Китая и Греции провел Франсуа Жюльен (Жюльен Ф. Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции. Пер. с фр. В. Лысенко. Моск. Философск. Фонд, 2001). В своем анализе он использовал такие философские понятия, как смысл и значение (об их интерпретации в различных направлениях философии см. статью А. Ю. Бабайцева под этим же названием// Новейший философский словарь. Минск, 1999. С. 629–630).

¹³ Это подтверждают наработки современного востоковедения. В качестве примера можно сослаться на постулат в Предисловии к «Истории Древнего Востока»: «Как показывает история человечества, культуры погибают лишь насильственной смертью, что бывает чрезвычайно редко. Обычно же преемственность в той или иной степени сохраняется, а за гибель культуры часто принимают гибель государства или перемены языка и стиля». Якобсон В. А. Предисловие// История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М., «Восточная литература», 2004. С. 41.

котором реализуется девиз «поставить древность на службу современности» («и гу вэй цзинь»). В этом смысле цивилизации бессмертны.

Итак, главным синтезирующим элементом любой цивилизации выступает ее духовная культура, и, как производная от этого элемента, ее политическая культура. Квинтэссенцией политической культуры всегда были воинское искусство и дипломатия. При всем многообразии военных и дипломатических школ в любой национальной (или цивилизационной) системе воинского искусства и дипломатии находится нечто (явное или скрытное), что делает ее сильнее оружия. Это особые приемы дипломатической и вооруженной борьбы, когда скрещиваются боевые или словесные мечи, когда в выигрыше оказывается тот, у кого в багаже есть секретная заготовка, план, способный привести контрагента в замешательство. Во всемирной истории своим особым воинским искусством и блеском дипломатии выделяются два направления – китайское на Востоке и византийское на Западе. Обе эти школы национальной борьбы в отстаивании на международной арене национальных и государственных интересов широко использовали стратегемы. Через знакомство со стратегемами можно увидеть не просто череду событий, происходивших в Сиани или в Константинополе, но и то, почему они произошли и по какому сценарию развивались.

В эпоху Древнего мира ведение войн при создании великих империй привело к совершенствованию вооружений. Мечи и кольчуги, копья и щиты, наконец, боевые колесницы – все это было на вооружении армий Древнего Египта, Персии, Греции, Рима, Китая. Но кроме развития наступательного и оборонительного оружия должна была совершенствоваться и полководческая мысль. Военачальник должен был всесторонне изучить предстоящего противника, местность, где пройдут боевые действия, особенности климата. И, главное, в результате такого комплексного анализа полководец составлял план каждого из сражений и всей кампании. Разумеется, план был секретным. В нем обязательно должны были содержаться элементы, которые, по мнению его составителя, обеспечивали успех отдельных батальонов и всей войны.

Византийская стратегематика уходит своими корнями в богатейший арсенал военной и дипломатической науки, доставшийся ей от Древней Греции и создававшего империю Рима. Однако, если к стратегии во все времена относились предельно серьезно¹⁴, позволяя шутить по поводу нее лишь в поэзии¹⁵, то в эллинско-римском мире стратегемы использовались, но, «при всей их полезности, не рассматривались ни греками, ни римлянами как разновидность рациональной науки о войне, поскольку связывались не с расчетом, а со случаем»¹⁶.

Как само слово «стратегема», так и систематические описания хитростей и уловок со времен Античности появились именно на страницах военных сочинений. В названиях греческих и римских памятников используется транслитерация древнегреческого слова *στρατηγίμα* – *стратигима* (мн. число *στρατηγίματα* – *стратигимата*), которое использовал и Фронтин, для остальных случаев используется транслитерация принятого в современных европейских языках слова (*stratagem* – англ., *stratagème* – франц., *stratagem* – нем.), закрепившаяся и в русском языке.

До нашего времени дошло два военных трактата – «Стратегемы» греческого автора II века н. э. Полиэна¹⁷ и «Стратегемы» римского военного теоретика I века н. э. Секста Юлия

¹⁴ Классическое определение понятия «стратегия» дал прусский фельдмаршал Август фон Гнейзенау (1761–1831): «Стратегия есть искусство [использования] пространства и времени. <...> Пространство можно вернуть; потерянное время – никогда». «Zeitschrift für Politik». München. 1933–1934. Bd.23, p.50.

¹⁵ Шота Руставели с улыбкой заметил: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». //«Витязь в тигровой шкуре». Гл. 24. М., 1953. С. 129.

¹⁶ Перевалов С. М. Предисловие//Тактические трактаты Флавия Арриана. Тактическое искусство. Диспозиция против аланов. Текст. Перевод. Комментарий. «Памятники исторической мысли». М., 2010. С. 33.

¹⁷ Полиен. Стратегемы. Под общ. ред. А. К. Нефедкина. СПб., «Евразия», 2002 (далее: Полиен. Стратегемы).

Фронтин. Именно Фронтин и дал первое в Европе определение стратегемы¹⁸. В Древней Греции и Риме понятия *στρατηγικὰ* (*стратегика*) и *στρατηγίματα* – (*стратегимата*), ставшие впоследствии названиями разных жанров литературы, были достаточно близки. Как отдельный жанр *στρατηγίματα* сформировались достаточно поздно, уже после создания стратегик, тактик и полиакретик. Сложную связь понятий *στρατηγικὰ* и *στρατηγίματα* отмечал и Карл фон Клаузевиц: «На первый взгляд кажется правильным, что стратегия получила свое название от хитрости и что при всех действительных и кажущихся переменах, которым подвергалось ведение войны со времен греков, это название все еще указывает на специфическую сущность стратегии»¹⁹.

Полиэн собрал в 8 книгах свыше 900 таких стратегем, которыми пользовались в реальной жизни греческие военные и политики, а также которые упоминались в художественной литературе, в частности в «Одиссее» Гомера. Герои греческой мифологии также являлись для него составителями и пользователями стратегем. Обращаясь к стратегемам Полиэна, мы сразу замечаем их созвучие китайским стратегемам. И не просто обнаруживаем созвучие, а, более того, прямые аналоги. Вот, например, стратегема № 9 «Телемен»:

«Телемен вместе с другими Гераклидами, желая переправиться на Рион, послал локров-перебежчиков сообщить пелопоннесцам, что они стоят на якоре в Навпакте, чтобы казалось, что собираются отплыть к Риону, но их *истинное* желание – отправиться к Истму. Пелопоннесцы, поверив, пошли к Истму. А *войско* во главе с Теменом спокойно завладело Рионом»²⁰.

И ознакомимся с китайской стратегемой № 8 из «Трактата 36 стратегем», которая озаглавлена «Для вида чинить деревянные мостки, втайне выступить в Чэньцзан». Ее сущность звучит следующим образом: «Стратегема сокрытия истинного направления». В качестве примера приведем вариант 8.2:

«Дэн Ай (197–264), военачальник государства Вэй, разбил лагерь на северном берегу Белой реки (на северо-востоке нынешнего уезда Сунпань в провинции Сычуань). Через три дня военачальник Цзян Вэй (202–264) из государства Шу приказал своему подчиненному Ляо Хуа вести войско на южный берег той же реки и поставить его напротив лагеря Дэн Ая. Военачальник Дэн Ай сказал своему коменданту: «Если бы Цзян Вэй собирался на нас внезапно напасть, то он осадил бы нас, притом что мы гораздо слабее его, по обычным правилам военного искусства. Он бы сразу же переправился через реку и напал на нас. Однако мы не видим с его стороны никакого движения. Я думаю, что Цзян Вэй собирается отрезать нас с тыла вот и поставил Ляо Хуа, только чтобы удержать нас здесь. Цзян Вэй наверняка направился сейчас с большой армией на восток, чтобы захватить наш опорный пункт, город Таочэн (современный Таоянчэн в провинции Ганьсу).

Той же ночью Дэн Ай приказал своему войску направиться в Таочэн по маленькой тропинке. Действительно Цзян Вэй как раз собирался переправиться через реку, чтобы занять город. Но Дэн Ай подоспел раньше. Так что Таочэн остался в руках Дэн Ая. Вот прием неудачного применения стратегемы № 8, поскольку Дэн Ай сумел ее разгадать. Отклонение Цзян Вэя от обычных военных действий – переправы через реку и нападения на значительно более слабое войско Дэн Ая – было слишком очевидно и навело Дэн Ая на подозрения»²¹.

¹⁸ «Если найдутся читатели, которым эти свитки придутся по сердцу, пусть они имеют в виду, что стратегия и стратегемы, хоть и очень сходны, различаются между собой. Все, что полководец совершает по заранее обдуманному плану, надлежащим образом, со всей официальностью и постоянством, это будет считаться стратегией, а если это лишь по видимости так, то это – стратегемы. Сила этих последних, заключающаяся в искусности и ловкости, полезна и при обороне и при наступлении. Блестящие результаты здесь давали также речи, поэтому мы даем образцы деяний и речей». Фронтин Секст Юлий. Стратегемы. Искусство войны: Антология. В 2 кн. Кн. 1. Древний мир. Сост. Р. Светлов. СПб., 2002. С. 118.

¹⁹ Клаузевиц К. О войне: пер. с нем. А. Рачинского. – М., Издательская корпорация «Логос», «Наука», 1994. С. 226.

²⁰ Полиен. Стратегемы. Кн. I. № 9. С. 67. Перечень приводимых в трактате Полиэна стратегем, схожих с китайскими или, более того, имеющих китайские аналоги, может быть существенно продолжен.

²¹ Зенгер Харро фон. Стратегемы. Т. 1. Перев. А. В. Дыбо. Общ. ред., вступит. статья и комментарии ак. В. С. Мясникова.

Что касается византийцев, то Маврикий в «Стратегеконе» указывал, что «действия на войне подобны охоте. Подобно тому, как успех на охоте достигается больше с помощью выслеживаний, сетей, засад, обманов, облав и других уловок, чем с помощью силы, все это нужно использовать и в войнах, будут ли враги более сильными или более слабыми. Ведь действовать против врагов только в открытую или напролом, даже если победа над ними кажется очевидной, значит связывать исход дела с опасностью и неоправданным ущербом. Поэтому безрассудно добиваться победы, сопряженной с уроном, без большой необходимости, – это приносит лишь призрачную славу»²².

Собрание византийских стратегем мы находим в фундаментальном труде Кекавмена «Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века»²³.

Как отмечают современные авторы, «стратегемы как особое явление социальной жизни представляют собой очень трудный объект для исследования. Во-первых, уловки и хитрости – это нетипичные, уникальные для своего времени и места мысли и действия, требующие особого искусства и нестандартного подхода к ситуации. В результате применения стратегемы получается, как правило, неожиданный и изумляющий окружающих результат. Как это ни парадоксально, но иногда результат воплощения хорошего плана и колдовство оценивались китайским обществом как явления одного порядка. Такое восприятие стратегем характерно не только для произведений фольклора или литературы, в которых авторский вымысел и фантазия практически ничем не ограничены. В Китае с именами стратегемщиков ассоциировались не только военные трактаты, но и технологии прогноза погоды, умение предсказывать будущее, воплощенные в различные гадательные практики, системы физиогномики и хиромантии. Начиная с «Истории династии Суй» (589–619 гг.) названия подобных сочинений присутствуют практически во всех библиографических разделах официальных династийных историй. Такая наивная ассоциация, закрепившаяся как в народной культуре, так и в культуре просвещенных слоев общества, демонстрирует признаваемое всеми китайцами редкое умение видеть в различных природных и социальных явлениях скрытое, непроявленное, недоступное обыденному сознанию»²⁴.

Если исследовать стратегемы не только с точки зрения психологических особенностей древнекитайского общества, но и их прикладной эффект, то тогда вступает в действие вторая их особенность. Дело в том, что «применение уловок требует скрытности и секретности. Маскировка истинных целей и дезинформация противника – самые важные условия успешной реализации стратегемы. Исследователю, как правило, доступно только описание конечного результата, зафиксированного фольклорной традицией, эпосом или исторической хроникой. Именно поэтому очень сложно бывает реконструировать процесс мышления, в результате которого создаются успешные стратегемы»²⁵. Достаточно проблематичным по этим же причи-

М., «Эксмо», 2004. С.163.

²² Люттвак Э. Н. Стратегия Византийской империи. М., Университет Дмитрия Пожарского, 2010. С. 401.

²³ Кекавмен. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века. Изд. 2-е, перераб. и доп. Подготовка текста, введение, перевод с греческого и комментарий Г. Г. Литаврина. СПб., «Алетейя», 2003.

²⁴ Мясников В. С., Завьялова Т. Г. Зарождение основ стратегемного мышления в Китае//Вестник Новосибирского Государственного университета. Научный журнал. Серия: История, филология. 2012. Том 11, выпуск 10: Востоковедение. С. 130–131.

²⁵ Как утверждал Франсуа Жюльен, обращение к литературным описаниям хитрости и хитроумия не позволяет вскрыть глубинных корней этого явления и создать теорию, его объясняющую. «В Греции мы нигде не найдем теории хитрости. Хитрость можно обнаружить только там, где есть игра социальных и интеллектуальных сил; иногда хитроумие становится просто «навязчивой идеей», но ни в одном тексте нет его анализа, нигде не вскрываются его основы и побудительные причины. Вот почему Вернан и Детьен могли изучать хитроумие только на основе мифов и драмы, а там оно всегда предстает «неглубоким», погруженным в практику, и, несмотря на широкое использование «хитростей», природа *metis* не раскрывается (выделено нами. – Т.З. и В.М.) и происки ее не находят оправдания». [Жюльен Ф. Трактат об эффективности/ Пер. с фр. Б. С. Крушняк. М., Университетская книга, 1999. С. 18–19.] Проблема природы военной хитрости и в наше время обладает реальной актуальностью, как для западных, так и для российских исследователей в области военной науки, и не в последнюю очередь по причине отсутствия адекватных задачам современной ситуации теоретических обобщений, см: [Лобов В. Н. Военная хитрость

нам представляется анализ неудачных попыток использования стратегем, такие факты письменные источники практически не фиксируют»²⁶.

И, наконец, «в-третьих, контекст существования стратегем характеризуется многоуровневыми и разноаспектными конфликтами. Собственно говоря, мотивом для создания и применения стратегемы является социальный конфликт, который невозможно разрешить общепринятыми или силовыми методами. Во многих культурах и обществах применение хитростей и уловок вступает в противоречие с этическими нормами и предписаниями, не всегда считается допустимым или разрешенным действием. В рамках социального конфликта может сформироваться еще один – этический конфликт оценки целей и средств, проявляющийся в необходимости обоснования или оправдания использования уловки»²⁷.

Выводом из этой триады методологических особенностей изучения стратегем является то, что «исследователь, реконструирующий стратегемное мышление, сталкивается с тройным сопротивлением исходного материала, обусловленным изначальной атмосферой секретности, в которой создавалась стратегема, мистическим флером ее восприятия в обществе и сомнительным этическим статусом самого факта реализации стратегемы, который ее автор не всегда стремился вынести на обозрение широкой публики. Закономерным следствием таких характеристик исходного материала является простой «коллекционерский» подход к изучению стратегем и стратегемного мышления, в рамках которого стратегемы подбираются в рамках определенного рубрикатора, например «Трактата «36 стратегем», а то и вовсе бессистемно»²⁸.

Вместе с тем, Линь Юйтан увязал применение стратегем с традиционной китайской религией – даосизмом. «В китайской литературе, поэзии и пословицах, – подчеркивал он, – очень часто отражается <...> даосская философия. Такие выражения, как: «Теряя пешку, выигрываешь партию», «Из 36 стратегем лучшая – это бегство», «Настоящий герой никогда не будет рисковать», «Отступи на шаг в своих мыслях», свидетельствуют о восприятии жизненных проблем, свойственном китайскому складу ума. Жизнь предоставляет много возможностей переосмысливать те или иные решения благодаря «36 стратегемам», помогающим сглаживать острые углы, в результате чего человек обретает то подлинное добродушие и степенность, которые олицетворяют китайскую культуру»²⁹.

Начавшийся в эпоху Великих географических открытий активный контакт различных человеческих цивилизаций продолжается и в наши дни. Европейскую цивилизацию Восток обогатил пряностями и алмазами, шелками и оригинальными философскими системами, фарфором и искусством строить арочные мосты. В течение столетий европейские политики толковали об «отставании» Востока, его «застойности», тем не менее, XVIII век для Парижа, Лондона, Берлина и Петербурга был отмечен устойчивой модой на все китайское. Стиль «шинуазри» в убранстве дворцов и в парковой архитектуре, в живописи и в предметах быта и

М., «Логос», 2001. С. 8–11]; Чжунго лидай цзюньши чжанлюэ. (Военные стратегии Китая в древности). Шан, ся цэ. Бэйцзин. 1986; Грин Р. 33. Стратегии войны. М., «Рипол классик», 2007.

²⁶ Мясников В. С., Завьялова Т. Г. Зарождение основ стратегемного мышления в Китае... С. 131.

²⁷ Там же.

²⁸ В настоящее время такой подход, к сожалению, является доминирующим в исследованиях, посвященных явлению стратегемности. Тем не менее, у него есть достаточно авторитетные противники. Французский философ Франсуа Жюльен в обосновании источниковедческой базы для «Трактата об эффективности», посвященного специфике этого понятия в Китае, пишет, что «я предпочел оставить за рамками исследования тексты типа «Тридцати шести стратегем» («Сань ши лю цзи») – сборники полезных советов по части военной хитрости. Я сделал это для того, чтобы, с одной стороны, сохранить историческое единство материала (ибо эти сборники относятся к более позднему периоду и лишь повторяют хорошо известные идеи в афористической форме), а с другой стороны, чтобы отмежеваться от той вестернизированной «китайщины», по поводу которой и без меня сказано немало». [Жюльен Ф. Трактат по эффективности/ Пер. с фр. Б. С. Крушняк. М., Университетская книга, 1999. С. 9] Мясников В. С., Завьялова Т. Г. Зарождение основ стратегемного мышления в Китае... С. 131

²⁹ Линь Юйтан. Китайцы, моя страна и мой народ. Перевод с китайского Н. А. Спешнева. М., «Восточная литература», 2010. С. 62.

по сей день мы видим в ансамблях и коллекциях Версаля и Петергофа, Ораниенбаума, Лувра и Потсдама, в собраниях десятков других музеев³⁰.

В течение столетий европейцы жадно брали все, что поражало и привлекало их, но, в общем-то, все это лежало на поверхности. Удивительные же свои тайны Восток упорно хранил, для их разгадки требовались время и труд ученых-ориенталистов. Сегодня новые средства коммуникации уплотнили время. Не только востоковеды, но и европейски высокообразованные представители стран Востока выступают в роли талантливых пропагандистов этнокультурных достижений азиатских цивилизаций, способствуют постижению европейцами особенностей политической культуры восточных обществ. Вопреки предсказаниям Р. Киплинга Восток и Запад сходятся. Более того, Восток ведет наступление на Запад.

Если брать не политический, а социальный уровень, то на наших глазах в Европе и Америке почти поголовное увлечение дзен-буддизмом, йогой и сексуальными рекомендациями, записанными в Камасутре, естественно перешло в устойчивый интерес к достижениям традиционной китайской медицины, кухни, гимнастике *йишу* и системе *цигун*. Этот интерес вылился в широкое занятие китайскими методами физической и психологической тренировки, что привело к созданию спортивных секций и выпуску специальной литературы. Сегодня Запад наверстывает свое отставание от Востока в главном – в науке о человеке.

Представляемая читателю книга приоткрывает завесу над еще одной, причем наиболее закрытой от иностранцев, особенностью восточноазиатской цивилизации – стратегемностью мышления ее представителей. Само понятие стратегема (по-китайски: чжимоу, моулюе, цэлюе, фанлюе) означает стратегический план, в котором для противника заключена какая-либо ловушка или хитрость. Интересна сама семантика этого понятия: бином «чжимоу», например, одновременно означает и сообразительность, и изобретательность, и находчивость. Как было отмечено выше, стратегемность зародилась в глубокой древности и была связана с приемами военной и дипломатической борьбы.

Огромное влияние на теоретическую разработку стратегемности оказал величайший военный мыслитель Древнего Китая Сунь-цзы, автор трактата «О военном искусстве», который требовал облекать предварительные расчеты в форму стратегем. В настоящее время можно считать установленным, что под литературно-философским псевдонимом Сунь-цзы выступал выдающийся полководец-«стратегемщик» Сунь Бинь, живший в IV в. до н. э. в древнекитайском царстве Ци. На протяжении тысячелетий китайские полководцы составляли стратегемы для взятия крепостей и достижения успеха в военных кампаниях. В исторических хрониках и романах сохранились имена выдающихся стратегов: от легендарного Тай Гуна, наставника У-вана, основателя династии Чжоу (XI–III вв. до н. э.), и соперничавшего в военной славе с самим Сунь Бинем полководца У-цзы (V в. до н. э.) до героев эпопеи «Троецарствие» (конец II – начало III в. н. э.) Чжугэ Ляна и Цао Цао.

Стратегемы составляли не только полководцы. Политические учителя и наставники царей были искусны и в управлении гражданским обществом, и в дипломатии. Все, что требовало выигрыша в политической борьбе, нуждалось, по их убеждению, в стратегемном оснащении. Дипломатические стратегемы представляли собой нацеленные на решение крупной внешнеполитической задачи планы, рассчитанные на длительный период и отвечающие национальным и государственным интересам. В дипломатии понятие стратегемности раскрывается как сумма целенаправленных дипломатических и военных мероприятий, рассчитанных на реализацию долговременного стратегического плана, обеспечивающего решение кардинальных задач внешней политики государства. Будучи нацеленной на реализацию стратегемы, стратегемная дипломатия черпала средства и методы не в принципах, нормах и обычаях междуна-

³⁰ См.: Неглинская М. А. Шинуазри в Китае: цинский стиль в китайском искусстве периода трех великих правлений (1662–1795). М., «Спутник», 2012.

родного права, а в теории военного искусства, носящей тотальный характер и утверждающей, что цель оправдывает средства.

Но с помощью стратегем наносились и тактические удары. Широко известна, например, стратегема «Убить чужим ножом», с помощью которой устранялся опасный персонаж в лагере противника. Так, в романе-эпопее «Троецарствие» министр – блюститель церемоний Ван Юнь задумывает стратегему, чтобы избавиться от жестокого и распутного военачальника Дун Чжо, стремившегося захватить престол. Ван Юнь договаривается с красавицей певицей и танцовщицей Дяочань о том, что она должна понравиться и Дун Чжо и его приемному сыну, храброму, но недалекому воину Люй Бу. Ван Юнь обещает отдать Дяочань молодому храбруцу, но отправляет ее к Дун Чжо. Естественно, что Люй Бу взбешен и обвиняет Ван Юня в коварстве, однако тот с невинным видом отвечает, что Дун Чжо лишь поинтересовался подарком и взглянул на красавицу, после чего, уверив, что сам передаст ее Люй Бу, увез артистку к себе. Став наложницей Дун Чжо, Дяочань постоянно стремится столкнуть своего хозяина с его приемным сыном. В конце концов, ей это удалось, и Ван Юнь, устроив западню, заманил Дун Чжо во дворец, где тот и был убит Люй Бу³¹.

Этот эпизод подобен многим другим в богатой истории Китая. Но в нем особенно наглядно раскрываются необходимые условия для составления и успешной реализации стратегем. К ним относятся: умение рассчитывать ходы и предвидеть их последствия, знание психологических особенностей тех, против кого нацелен план (Дун Чжо обаян жадной власти и сластолюбив, Люй Бу храбр, недалек и может увлечься молодой красавицей) и, наконец, упорство автора плана в реализации стратегемы. Стратегема организует последовательность действий.

Выражение «политика является искусством возможного» стало тривиальным. Банальное толкование его сводится к тому, что политик ограничен в своих возможностях и должен, будучи реалистом, максимально учитывать конкретную ситуацию, следовательно, он не может сделать более того, что ему позволяют обстоятельства. Однако на самом деле искусство возможного – это способность предвидеть последствия политических шагов, их возможные результаты. В этом плане стратегемность, раскрывая способность просчитать ходы в политической игре, а порой не просто просчитать, но и запрограммировать их, исходя из особенностей ситуации и качеств противника, служит образцом политической дальновидности, причем дальновидности активной.

Итак, стратегемность – это сплав стратегии с умением расставлять скрытые от противника западни. Казалось бы, все очень просто: найдите свою стратегию и оснастите ее ловушками. Но даже в такой суперстратегической игре, как шахматы, европейские мастера лишь в конце XIX в. научились строить основанные на оценке ситуации стратегические планы. Э. Ласкер писал по этому поводу: «Найти правильный план так же трудно, как отыскать верное обоснование его. Прошло много времени, по меньшей мере, тысяча лет, прежде чем шахматный мир понял значение плана»³². В Китае же за несколько столетий до нашей эры выработка стратегических планов – стратегем – вошла в практику и, став своего рода искусством, обогащалась многими поколениями.

Знание древних стратегем, составление хитроумных планов превратилось в традицию, причем не только традицию политической жизни, касающейся дипломатии или войны. Со временем продуманный во всех деталях обычный бытовой план сравнивали в Китае с классическим наследием великих стратегов. В известном средневековом романе «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй» старуха сводня Ван, устраивая герою любовное свидание,

³¹ См.: Ло Гуаньчжун. Троецарствие. Перевод с китайского В. А. Панасюка. М., 1984. С. 62–73.

³² Ласкер Э. Учебник шахматной игры. Изд. 6-е. М., 1980. С. 193.

хвастает, что у нее есть план, состоящий из десяти пунктов, который по своим достоинствам не уступает планам самого Сунь-цзы³³.

Умение составлять стратегемы свидетельствовало о способностях человека, наличие плана вселяло в исполнителей уверенность в успехе любого дела. Поэтому на всех уровнях в Китае привыкли с должным уважением относиться к стратегии и вырабатываемым стратегами планам. От важнейших политических проблем до игры в китайские облавные шашки «вэй-ци» – всюду шло состязание в составлении и реализации стратегем. Появился даже специальный термин – *чжидоу*, – обозначающий такую состязательность. Стратегемность стала чертой национального характера, особенностью национальной психологии. Но это не означает, что китайцы – это нация ловких интриганов, хитрецов и обманщиков. Нет. Это народ, в первую очередь умеющий стратегически мыслить, составлять долгосрочные планы, как на государственном, так и на личностном уровне, умеющий просчитывать ситуацию на достаточное количество ходов вперед и употребляющий стратегемные ловушки для достижения успеха.

Одним из достоинств совершенного человека, согласно конфуцианскому учению, являлось такое качество, как «минь» – ум, смысленность, способности. Владение искусством составлять стратегемы было свидетельством высокой одаренности. О таких людях говорили: не успеет шевельнуть бровью, в голове рождается план. В Древнем Китае огромная масса придворных ученых, философов занималась составлением стратегем. Эти профессионалы предлагали свои секретные планы правителям царств или феодалам, способным оплатить интеллектуальную услугу.

Вместе с тем еще в Древнем Китае была поставлена проблема соотношения стратегемности с моралью. Конфуцианские ученые критиковали создателя первой централизованной китайской империи Цинь Ши-хуанди (259–210 до н. э.) за то, что он «выслушивал планы, предлагавшиеся множеством людей, применял достижения шести поколений, благодаря чему, как шелковичный червь, пожрал шесть царств, уничтожил местных владетелей, овладел Поднебесной. Он полагался на низость коварных планов, что привело к исчезновению искренности и доверия. В его правлении не было ни нравственных наставлений, ни преобразующих начал гуманности и справедливости, которые помогли бы объединить сердца Поднебесной... и в Поднебесной начался великий разброд, вызванный тем злом, которое таилось в коварстве и лжи правителя»³⁴.

Ответ Цинь Ши-хуанди его оппонентам был весьма характерен: император приказал закопать несколько сот ученых живьем в землю, а их книги сжечь. Как говорится, без всякой стратегемности. Но судьба не оставила безнаказанным это злодеяние: спавшему императору была введена в ухо игла, он скончался без следов насилия или отравления. Но проблема моральных аспектов стратегемности оставалась. Она решалась исторической наукой и художественной литературой, исходившими каждый раз из одного общего критерия: если герой действовал в интересах государства и ради благоденствия народа, то он относился к положительным персонажам, его стратегемы и основанные на них шаги и меры были благородными по определению. И, разумеется, узурпаторы власти, охотники за чужим добром, похитители невинности и прочие злодеи составляли «негативные» стратегемы, которые, тем не менее, все равно подлежали изучению и запечатлению в анналах.

Эта проблема дожила и до наших дней, и не только в Китае. Современная психология указывает, что необходимо различать «игры» с таким типом социального действия, как «операция». «Операцией мы называем простую трансакцию или набор трансакций, – подчеркивает Э. Берн, – предпринятых с некоторой заранее сформулированной целью. Например, если

³³ См.: Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй. Перевод с китайского В. С. Манухина. Т. 1. М., «Художественная литература», 1977. С. 59–60.

³⁴ Васильев К. В. Планы Сражающихся царств. М., 1968. С. 40.

человек честно просит, чтобы его утешили, и получает утешение, то это операция. Если кто-нибудь просит, чтобы его утешили, и, получив утешение, каким-то образом обращает его против утешителя, то это игра. Следовательно, внешне игра выглядит как набор операций. Если же в результате игры один из участников получает «вознаграждение», то становится ясно, что в ряде случаев операции следует считать маневрами, а просьбы – неискренними, так как они были лишь ходами в игре»³⁵. В целом же, отмечает этот психоаналитик, современное американское общество не поощряет искренности (кроме как в интимной обстановке), так как здравый смысл предполагает, что искренность всегда можно использовать с дурным умыслом³⁶.

Итак, кто же может успешно пользоваться стратегемами? Тот, кто всесторонне подготовлен, кто, изучив особенности стратегемного мышления и действий, может обеспечить выигрыш в состязании даже с более сильным или хитрым противником, если тот не обеспечил себе такую же подготовку. «Непобедимость заключена в самом себе, возможность победы заключена в противнике», – учил Сунь-цзы³⁷. Собственно, этот же принцип лежит и в основе всех восточных боевых единоборств: ушу, карате, цзюдо, тхэквондо. Стратегемность – это школа психологического противоборства, которой присущи свои законы и требования. Давая рекомендации своим читателям, Сунь-цзы впервые описал определенный стереотип поведения, который можно назвать азбукой стратегемщика. «Если ты и можешь что-нибудь, – наставлял великий стратег, – показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его выгодой; приведи его в расстройство и бери его; если у него все полно, будь наготове; если он силен, уклоняйся от него; вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройства; приняв смиренный вид, вызови в нем самомнение; если его силы свежи, утоми его; если его ряды дружны, разъедини; нападай на него, когда он не готов, выступай, когда он не ожидает»³⁸. Девизом стратегемного образа действий являются слова Сунь-цзы: «Сначала будь как невинная девушка – и противник откроет свою дверь. Потом же будь как вырвавшийся заяц – и противник не успеет принять мер к защите»³⁹.

Стратегемность была серьезным оружием китайских политиков, военных, дипломатов. Благодаря устной традиции, историческим хроникам и художественным произведениям эффективность применения стратегем была очевидной и для широкой публики. Естественно, стратегемы стали секретным национальным достоянием. Прагматичный китайский ум выработал специальную терминологию, используемую в стратегематике⁴⁰, классифицировал стратегемы по видам, разработал методику применения той или иной стратегемы в зависимости от конкретной ситуации, создал «сокровенную книгу о военном искусстве» – «Трактат о 36 стратегемах»⁴¹. Но все это должно было тщательно скрываться от иностранцев. Одним из способов предотвращения утечки сведений о стратегемах был существовавший в императорском Китае запрет на вывоз из страны книг. Разумеется, никто из имперских чиновников не посмел бы ввести иностранца в секретный арсенал стратегем.

³⁵ Берн Э. Указ. соч., с. 37.

³⁶ См. там же, с. 148.

³⁷ См.: Конрад Н. И. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М.-Л., 1950. С. 37.

³⁸ Там же. С. 34.

³⁹ Там же. С. 54.

⁴⁰ Подробнее см.: Завьялова Т. Г. Формирование терминологических средств стратегематики в китайской культуре//Восток-Запад. Историко-литературный альманах 2003–2004. Под. ред. ак. В. С. Мясникова. М., «Восточная литература», 2005. С. 255–274.

⁴¹ Духовная культура Китая. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М., «Восточная литература», 2009. С. 596–597.

Сами же иностранцы, даже после знакомства с трактатом Сунь-цзы и применения его в военных академиях в качестве учебного пособия, не подозревали о широте использования в Китае стратегем на всех уровнях. Тем более они не учитывали, что стратегемность стала важной чертой национальной психологии. Этим объясняется длительное «молчание» мировой синологии по этой проблеме. Попытки же специалистов смежных дисциплин сориентироваться в древних традициях Востока привели их к заключению, что «самые ранние сценарные психоаналитики были в Древней Индии. Они строили свои предсказания в основном на астрологических идеях. Об этом любопытно говорится в «Памчатантре»⁴². Добавим к этому, что и политическая наука Древней Индии создала и рекомендовала правителям использовать огромное число хитроумных планов⁴³.

Сегодня стратегематика – учение о стратегемах – во всем мире переживает второе рождение. Но при этом «если страны Дальневосточного региона последние три десятилетия переживают настоящий «стратегемный бум», – с горечью пишет крупный специалист по китайским стратегемам Т. Г. Завьялова, – то в России отголоски этого явления можно назвать, скорее, «стратегемным ажиотажем», в горячке переживания которого научная новизна и актуальность зачастую подменяются веяниями моды. Два, на первый взгляд, разных процесса, тем не менее, имеют сходные, хотя и обусловленные разными причинами черты. Самый распространенный тип произведений – те, в которых в качестве базового источника фигурирует трактат «36 стратегем». Как правило, в рамках этого подхода издается литература скорее практически-популяризаторского, нежели исследовательского толка. Основное ее отличие – подбор самых разнообразных иллюстраций к списку из 36 стратегем, иногда дополненному или слегка модифицированному. Тем не менее, этот подход популярен не только в КНР и на Тайване, но также в Японии и Южной Корее. По этому образцу издаются сборники стратегем в России и на Западе. Второй подход большей частью реализуется в КНР при создании словарей стратегем различного толка. Количество стратегем, представленных в подобных изданиях, гораздо больше 36 (иногда счет идет на сотни или тысячи), они могут располагаться просто в алфавитном порядке (согласно фонетической транскрипции) или по количеству черт в иероглифе, более сложные виды расположения – по сфере применения, персоналиям или в хронологическом порядке»⁴⁴.

Упомянутая литература о стратегемах «практически-популяризаторского толка»⁴⁵ тем не менее, ценна тем, что равные возможности овладеть искусством составления стратегем предоставляются всем. И мы надеемся, что новая публикация в одном томе перевода книги Харро фон Зенгера на русский язык поможет в этом и нашим согражданам.

А как «рассекретили» стратегемность? Нет, тысячелетнюю тайну стратегем не вывозили из Китая, подобно коконам шелкопряда в выдолбленном посохе странствующего византийского монаха. Просто, как часто бывает в науке, возросшее количество отдельных данных привело к качественному скачку в приращении знания.

Российская и западноевропейская наука пришла к открытию стратегемности почти одновременно. Автор этих строк, изучая в конце 50-х – первой половине 70-х годов полный свод дипломатических документов китайской стороны, относящихся к взаимоотношениям импе-

⁴² Берн Э. Указ. соч., с. 193.

⁴³ См.: Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. История, религия, философия, эпос, литература, наука, встреча культур. М., 2000. С. 369–383.

⁴⁴ Завьялова Т. Г. Особенности стратегемной теории в минских «Книгах мудрости»//Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2013. Том 12. Вып. 4. Востоковедение. С. 58.

⁴⁵ Например: Романова Н. П., Брагин В. В., Романова И. В. Деловой этикет на Востоке. М., «Восток – Запад», 2004. Василенко О. А. Политические переговоры. М., МГИМО, 2008. Крысько В. Г. Этническая психология. 3-е изд. М., «Академия», 2007.

рии Цин с Русским государством в XVII веке⁴⁶, обнаружил определенную закономерность формирования этой документации и соответственно действий китайских властей. Какая-то скрытая пружина, даже не просто пружина, а целостный и точно действующий механизм способствовал реализации внешней политики империи на ее северных рубежах. Знакомство с источником, носившим весьма примечательное название: «Пиндин лоча фанлюе» («Стратегические планы усмирения русских»), – приоткрыло тайну этого механизма. Этот источник показал, как император вынашивал, составлял и в течение более двух десятилетий реализовывал стратегию, нацеленную на вытеснение русских из Приамурья. Дальнейшее исследование подтвердило, что в традиционном Китае искусство составления стратегем всегда оценивалось исключительно высоко. Высшие сановники империи должны были в совершенстве владеть им, излагая свои замыслы императору. В императорских указах, характеризовавших тех или иных государственных деятелей, способность к составлению стратегем отмечалась особо⁴⁷. Была показана содержательная модель стратегемы.

В развернутом виде стратегемность как элемент политической культуры традиционного китайского общества, в частности его дипломатии, была проанализирована в монографии «Империя Цин и Русское государство в XVII веке», опубликованной затем на английском и французском языках и выдержавшей второе, дополненное издание на русском языке⁴⁸. Отечественная и зарубежная критика дала высокую оценку этой работе. Но в нашем китаеведении еще оставались скептики, которые считали, что стратегемность существует, но она не является специфически китайской реальностью. Конечно, пророки отечества не выбирают... Какова же была радость автора, когда в 1988 г. на конференции Европейской ассоциации китаеведов в Веймаре он встретил высокого симпатичного молодого человека, который стоял у стенда, прикрепив к нему ксерокопию титульного листа своей книги «Стратегемы». Это был швейцарский ученый Харро фон Зенгер.

Харро фон Зенгер родился в 1944 г. в небольшом швейцарском селении Виллерцелл, где прожил долгие годы до переезда в Нешатель. Еще в школьные годы он проявил большие способности к языкам, занимаясь вдобавок к официальной программе по латыни, греческому, немецкому, французскому и английскому еще и русским языком. Вскоре после окончания школы он случайно в одной частной коллекции увидел «Граматику разговорного китайского языка» Зейделя. Эта книга настолько захватила юношу, что и определила его судьбу. Поступив на юридический факультет Цюрихского университета, он, помимо специальных дисциплин, занимался «для души» китайским языком. Один из знакомых китайских студентов научил его писать иероглифы. Завершая университетское образование, Харро фон Зенгер уже смог защитить диссертацию по теме «Традиционные китайские торговые договоры» и стал доктором права.

В то время когда русские китаеведы переживали весь драматизм и негативные для их труда последствия китайско-советской конфронтации, особенно лишение их контактов с китайскими учеными, американские и европейские синологи получали подготовку на Тайване. Харро фон Зенгер отправился в Тайбэйский университет, променяв имевшиеся дома положение юриста и высокую зарплату на комнату в аспирантском общежитии. С августа 1971 и по октябрь 1973 г. под руководством китайских профессоров молодой правовед совершенствовал свои знания на юридическом факультете Тайбэйского университета. Он описал этот период своей жизни в очень любопытных дневниковых заметках, которые впоследствии опубли-

⁴⁶ См. нашу публикацию: Русско-китайские отношения в XVII в. Документы и материалы. Т. 1. М., 1969; т. 2. М., 1972.

⁴⁷ См.: Мясников В. С. Традиционная китайская дипломатия и реализация Цинской империей стратегических планов в отношении Русского государства в XVII веке. М., ИДВ РАН, 1977. С. 15–16.

⁴⁸ См.: Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., «Наука», 1980; Miasnikov V. S. The Ch'ing Empire and the Russian State in the 17th century. Progress Publishers, M., 1985; Miasnikov V. L'Empire des Qing et l'Etat Russe au XVIIe Siecle. Progress Publishers, M., 1985; его же. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. Хабаровск, 1987.

ликовал⁴⁹. Живой интерес к китайской культуре, к многовековым традициям великой страны привел молодого ученого к постановке фундаментальной проблемы: в чем же сущность различий при межличностных контактах представителей европейской и восточноазиатской цивилизаций?⁵⁰ Стремление разобраться в этом и привело пытливого швейцарца к познанию стратегемности.

Как это часто бывает в науке, помог его величество случай. Изучая историю права на юридическом факультете, Харро фон Зенгер одновременно совершенствовал знание китайского языка в Центре языковой подготовки Тайбэйского педагогического института. Здесь-то он и встретился с работавшей на Тайване по совместительству преподавательницей Пекинской академии национальных меньшинств профессором Бо Чжэнши (настоящее имя которой Бо Шаофань). Она, являясь выдающимся эрудитом, могла ответить, казалось, на любые вопросы. Однажды профессор Бо, между прочим, обронила фразу: «Тридцать шестая стратегема: бегство – лучший выход в безнадежной ситуации». Это высказывание привлекло внимание Зенгера, который задал вопрос: «Если тридцать шестая стратегема: побег – лучший выход из положения, то что же такое стратегемы с первой по тридцать пятую?» И его совершенно поразил ответ Бо: «Не знаю». Швейцарский аспирант еще ни разу не слышал, чтобы она говорила: «Не знаю». С тех пор 36 стратегем стали мучившей его загадкой, которую он стремился во что бы то ни стало разрешить.

Вскоре один китайский студент дал ему рифмованную таблицу 36 стратегем, потом на одном из тайбэйских книжных развалов Харро фон Зенгер разыскал книгу, посвященную 36 стратегемам. Однако ни в одном из этих изданий не было подробного разбора каждой стратегемы.

Всего же Харро фон Зенгер провел в Восточной Азии шесть лет. Начав еще в Тайбэе штудировать японский язык, он продолжил обучение на юридическом факультете Токийского университета, а затем осенью 1975 г. стал иностранным студентом исторического факультета Пекинского университета. И всюду он целеустремленно собирает материал о стратегемах и стратегемности. Особенно повезло ему в Пекине: в университете он встретился с австралийцем Реву Алле (Revy Alley), жившим в Китае с начала 30-х годов. Тот дал Зенгеру книгу, которая была выпущена для «внутреннего пользования» в период, когда в руководство страны входил Линь Бяо. Она называлась «Китайско-английский словарь терминов в области политики, военного дела и культуры». Именно в этой книге швейцарский исследователь нашел анализ трактата «36 стратегем». В 1977 г., возвратившись в Швейцарию высокообразованным востоковедом, молодой ученый много печатается в газетах, выступает по телевидению. 14 января 1977 г. в газете «Франкфуртер альгемайне цайтунг» Харро фон Зенгер опубликовал первую статью о стратегемах, называвшуюся «Использование 36 стратегем для критики «банды четырех». Тогда же он начинает переводить на немецкий язык трактат «36 стратегем». В 1981 г. Зенгер становится приват-доцентом синологии в Цюрихском университете, а затем с 1989 г. профессором знаменитого Фрейбургского университета имени Альберта Людвиг (Германия), где с октября 1993 г. он является деканом философского факультета и читает лекции.

В 1981 г. Европейская ассоциация китаеведов проводила свою очередную конференцию в Цюрихе. В составе советской делегации был профессор В. А. Кривцов, который, опираясь на мои уже изданные к 1980 г. труды, сделал сообщение о разработке в Институте Дальнего Востока АН СССР, заместителем директора которого он являлся, о теории стратегемности в китайской дипломатии. Конечно, теперь уже трудно восстановить подробности обсуждения этого сообщения, однако известно, что ученый из КНР, принимавший в нем участие, очевидно, воспринял его как обвинение в адрес китайских руководителей и выступил с резкой ответной

⁴⁹ См.: Зенгер Х. фон. Швейцарец на Тайване. Мин Тао Литерче энд Арт. Тайбэй, 1989 (на кит. яз.).

⁵⁰ См. там же, с. 40–43.

критикой. На научной дискуссии, к сожалению, отразилась та полемика, которая происходила тогда на уровне политического руководства двух стран. Кстати сказать, в докладе В. А. Кривцова не оказалось конкретных данных о моих публикациях, поэтому Харро фон Зенгер, бывший одним из наиболее заинтересованных участников обсуждения, не получил сведений об издании моих работ на русском языке. Не знал он и о последующих переводах моей книги на английский и французский языки. Он, естественно, продолжал упорно трудиться и в 1988 г. опубликовал на немецком языке свою монографию о китайских стратегемах в швейцарском издательстве «Шерц»⁵¹.

В том же году и состоялась упомянутая выше «историческая» встреча двух европейских «стратегемщиков» в Веймаре. Мы обменялись взаимной информацией и опубликованными трудами и, подобно двум альпинистам, совершившим разными, но нелегкими маршрутами восхождение к одной и той же вершине, почувствовали взаимное уважение и симпатию. Харро фон Зенгер затратил на подготовку своей монографии 15 лет. Он изучил около 30 книг, посвященных китайской культуре, в которых содержались сведения о стратегемах. Это были китайские (включая Гонконг и Тайвань), японские и южнокорейские публикации. Кроме того, молодой востоковед проштудировал несколько сот статей на старокитайском и современном языке, сравнил, какой вклад в стратегемность был сделан европейцами, индийцами и арабами. Он пришел к выводу, что стратегемы существуют у всех народов. Их можно обнаружить и в Библии, и в сказках братьев Гримм, и в греческих мифах, и в африканских легендах. Но на Западе под влиянием религиозной морали этот вполне естественный феномен общественной жизни официально был как бы приглушен, хотя и существовал в реальной жизни. Тогда как в Китае в условиях религиозного синкретизма для развития стратегемности существовала полная свобода.

Мы вновь встретились в августе 1990 г. на очередной, XXXII конференции Европейской ассоциации китаеведов в голландском городе Лейдене, где профессор Зенгер сделал доклад на тему «Китайские стратегемы и западная культура». Его книга к этому времени стала бестселлером европейской синологии. В 1990 г. издательство «Шерц» выпустило ее пятое издание, одновременно она переводилась на английский, голландский, итальянский, японский и китайский языки. Китайский перевод вышел в свет в декабре 1990 г.⁵², причем за четыре месяца разошелся весь 200-тысячный тираж книги. В разных странах появились буквально десятки восторженных газетных и журнальных отзывов о ней.

В чем же секрет такого успеха книги профессора Харро фон Зенгера? Уж не связан ли он с какой-нибудь хитроумной стратегемой ее автора? Думаю, что ответ заключается в том, что эта книга уникальна по многим показателям. Во-первых, она вводила западного читателя в совершенно новый круг знания. Во-вторых, китайцы до недавнего времени в известной мере держали в секрете от иностранцев существование свода стратегем. И хотя в последние годы они популяризируют стратегемность изданием специальной литературы⁵³ и даже сериями комиксов, в Западной Европе и США такого рода литература отсутствовала. Наконец, Харро фон Зенгер анализирует в своей книге этот феномен китайской национальной культуры на

⁵¹ См.: Senger H. von. Strategeme. Der erste Band der berühmten 36 Strategeme der Chinesen – lange als Geheimwissen gehütet, erstmals im Westen vorgeestellt. Scherz, Bern, 1988.

⁵² См.: Зенгер Х. фон. Чжимоу – пинчан хэ фэйчан шикэды цяоци (Стратегемы – хитроумные замыслы в обычное время и чрезвычайные моменты). Шанхай, «Жэньминь чубаньшэ», 1990 (на кит. яз.). В том же году вышли в свет голландское и итальянское издания: Senger H. von. Stratagemen. Listen om te overleven. Rotterdam, Lemniscaat, 1990; Senger H. von. Stratagemmi. Vivere e sopravvivere con astuzie vecchie di tremila anni. Roma, Serra e Riva Editori, 1990; а в декабре 1991 г. в переводе Мирона Габитца книга была издана в США: Senger H. von. The Book of Stratagems (Tactics for Triumph and Survival). New York, Viking Penguin, 1991. В 1992–1993 гг. «Стратегемы» были изданы в Турции и на испанском языке в Буэнос-Айресе. В январе 1994 г. вышло тайваньское издание.

⁵³ См., например: Сань ши лю цзи синьбянь (36 стратегем в новой редакции), ред. Ли Линянь. Пекин, «Цзефан цзюнь чубаньшэ», 1981 (на кит. яз.).

основе довольно глубокого научного исследования, опирающегося на знание как древнего, так и современного языка и культуры Китая, что позволило широко использовать китайские первоисточники. Все это убеждает читателя в точности содержания раскрытой тайны.

При весьма скупом лингвистическом оформлении (весь свод 36 стратегем включает в себя лишь 138 китайских иероглифов, т. е. одна стратегема записана четырьмя, а иногда тремя иероглифами, составляющими идиоматическое выражение), стратегемы олицетворяют собой квинтэссенцию тысячелетнего опыта народа и дают широкий простор для разнообразных толкований. При этом смысл стратегемы для некитайского читателя обязательно нуждается в пояснении, наглядном примере, иначе тонкие намеки некоторых стратегем-метафор останутся непонятыми.

Из всего свода совершенно неизвестных на Западе 36 китайских стратегем профессор Зенгер для начала взял первые 18 и показал читателю их смысл и происхождение. Стратегемы, составляющие первую половину трактата, вошли в первый том труда Зенгера. Правда, следует оговориться, что такое механическое деление корпуса «Трактата о 36 стратегемах» было довольно условным. Позже профессор Зенгер отмечал, что первоначально он собирался публиковать перевод «36 стратегем» с комментариями, но затем пришел к выводу, что интереснее сделать сравнительное исследование о стратегемах на Востоке и на Западе. Следует отметить, что и такие стратегемы, как «Прекрасная дама» (№ 31) или «Открытые городские ворота» (№ 32), приводимая автором в Прологе, как и каждая из второй половины трактата, по нашему мнению, не менее интересны и поучительны.

Например, Стратегема № 20 подтверждает обоснованность вывода о том, что стратегемы существуют у всех народов. Она носит выразительное название «В мутной воде ловить рыбу». Вспомним, что эта идиоматическая метафора существует практически во всех европейских языках (сравни немецкое: *im trüben fischen*; английское: *fish in troubled waters*). Наконец, вполне «общечеловечески» звучит и название последней, 36-й стратегемы: «В абсолютно безнадежной ситуации лучшая стратегема – спастись бегством».

Иллюстрируя применение анализируемых им стратегем, автор приводит более 250 примеров из военной истории Китая, классических произведений художественной литературы, исторических трактатов разных эпох, а также из современных публикаций. Еще в своей первой статье на эту тему он отмечал, что в период «культурной революции» в Китае чаще всего использовались такие стратегемы, как: «Извлечь нечто из ничего», «Убить чужим ножом», «Указывая на шелковицу, обвинять акацию». Но при этом Харро фон Зенгер не бросает читателя в океан китайской действительности, а постоянно дает ему твердую почву привычных фактов европейской и американской истории и культуры. Поэтому на страницах книги встречаются имена Вольтера и Ги де Мопассана, Франклина Делано Рузвельта и Ли Харви Освальда, В. И. Ленина и Милована Джиласа, И. В. Сталина и М. Н. Тухачевского и многих, многих других представителей «евроатлантической» и евразийской цивилизаций. Благодаря сравнительному характеру исследования усиливается увлекательность в изложении материала. Книга дает многостороннее представление о пока что труднодоступной для понимания европейцев богатейшей духовности китайского народа и своеобразии его психологии⁵⁴.

Познакомившись со стратегемностью, каждый из нас, естественно, начнет припоминать, а не был ли он жертвой какой-либо стратегемы, может быть и не понимая этого. По этому поводу можно сказать, что, например, на межгосударственном уровне отношения нашей страны с Китаем испытали на себе в период 1960–1970-х годов влияние китайской стратегем-

⁵⁴ Более глубокое исследование этой проблемы было сделано профессором Николаем Алексеевичем Спешневым. См. его работы: Дискуссия об этнопсихологии китайцев (Восток-Запад. Историко-литературный альманах 2005–2006. Под ред. ак. В. С. Мясникова. М., «Восточная литература», 2006. С. 231–259 и Приложение – Ли Цзунью. «Наука о бесстыдстве и коварстве» (с. 260–268). Его же. Перевод с китайского книги: Линь Юйтан. Китайцы. Моя страна и мой народ. М., «Восточная литература», 2010. Его же. Китайцы: особенности национальной психологии. СПб., «Каро», 2011.

ности. В начале расхождений с СССР Мао Цзэдун, который блестяще владел стратегемными методами, призывал сосредоточить усилия на Советском Союзе, чтобы ликвидировать социалистический лагерь. Девизом китайской дипломатии стали слова Мао Цзэдуна: «Бей по голове, остальное само развалится». Но ведь это – название Стратегемы № 18 из «Трактата о 36 стратегемах». Позже шестая стратегема: «На востоке поднимать шум, на западе нападать» – также была использована китайской внешнеполитической пропагандой, которая приписывала этот хитроумный замысел советскому руководству. Дескать, оно только делает вид, что борется с Китаем, а на деле готовит удар против Запада. Так пекинская дипломатия «загоняла» (любимое выражение Бисмарка) европейских союзников в свой лагерь.

Наконец, возникает вопрос: а создает ли в наше время кто-либо новые стратегемы, или мы как-то ограничены рамками 36 стратегем? Разумеется, попытки создания новых стратегем возможны. Так, еще в «Китайско-английском словаре терминов в области политики, военного дела и культуры», подаренном ему австралийским другом, Харро фон Зенгер обнаружил в дополнение к 36 еще 40 стратегем. Современные китайские словари стратегем, как говорилось выше, содержат и сотни, и тысячи стратегем. Но следует сразу же оговориться, что на пути создателей новых стратегем стоит тот факт, что классические стратегемы могут выступать в каких-то сочетаниях своих элементов или частей, давая варианты. Количество таких вариантов будет равно 236, т. е. около 68 миллиардов. Это меньше, чем количество вариантов в шахматах, но, тем не менее, достаточно для того, чтобы в известной степени ограничивать создание принципиально новых стратегем. Вместе с тем если не считаться с чисто спортивным интересом в попытках стратегемотворчества, то упомянутое количество стратегем и их вариантов вполне достаточно для их использования во всех областях жизни.

* * *

В ноябре 2002 г. я побывал в замечательном китайском городе Чэндэ. Он расположен менее чем в трехстах километрах к северо-западу от Пекина. Со второй половины XVII столетия и до 1911 г. здесь находилась летняя резиденция императоров династии Цин, куда монархи и двор перебирались на лето, спасаясь от столичной жары. В те времена сам город и прилегающая местность носили название Жэхэ. Поскольку эта местность простерлась в центре горного массива Яньшань, летние температуры здесь на 6–8 градусов ниже, чем в Пекине. Находясь в своей резиденции в Жэхэ, императоры активно занимались и внутренней и внешней политикой. В середине XVIII века здесь император Цяньлун (1736–1795) принимал русского посланца Василия Братищева и курьера И. И. Кропотова⁵⁵. И именно здесь в 1858 г. императором Сяньфэном (1821–1861) был ратифицирован Айгуньский договор с Россией.

Комплекс императорского дворца великолепно сохранился, у главных ворот, через которые входят посетители, я кроме вывески музея обнаружил и еще одну, оповещающую, что на территории бывшего дворца располагается «Общество по изучению стратегий». «Что может быть прекраснее, чем изучать искусство разрабатывать стратегию и составлять стратегемы на территории исторического памятника, где много поколений предшественников только этим и занимались!» – подумал я. Сеть таких обществ, членами которых являются сотни тысяч людей, раскинулась по всему Китаю. Ныне все сотрудники государственных и партийных органов изучают стратегематику в специально организованных для них семинарах. Я упомянул о чэндэском потому, что помещение для него выбрано на редкость удачно.

Посетив во время того же визита одну из прекраснейших жемчужин в ожерелье исторических мест Китая – город Ханчжоу, я побывал в местном магазине исторической литературы.

⁵⁵ Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Т. VI. 1752–1765. М., «Памятники исторической мысли», 2011. С. 185–186, 191–192, 295–298.

Сознаюсь честно, глаза разбегались, как в пещере Аладдина. Хотелось увезти с собой все эти книжные полки, хранившие стратегемное богатство. Но пришлось ограничить себя приобретением двух книг: 12-томного коллективного труда «36 стратегем»⁵⁶ и четырехтомной, изданной в виде старинного ксилографа также коллективной работы «36 стратегем»⁵⁷. Если первая из этих книг носит популяризаторский характер, то вторую отличает глубокий исследовательский подход.

Спустя год в Шанхае в книжном магазине на главной торговой улице Наньцзинлу из огромного числа «стратегемной» литературы я, как наиболее свежую, выбрал книгу «Расшифровка 36 стратегем», предназначенную для военных⁵⁸.

Рассказываю обо всем этом, чтобы подчеркнуть, что рынок такого рода литературы в Китае поистине неисчерпаем, так как постоянно насыщается трудами упомянутых выше обществ по изучению стратегем.

Но в рыночной экономике предложение определяется спросом. Во «Введении» ко второму тому своей книги Харро фон Зенгер подробно описывает распространенность стратегем в современном китайском обществе. Он останавливается и на дискуссиях о моральных сторонах использования стратегем, ссылаясь на многочисленные публикации в китайской печати. Это обилие исходного материала и позволило Харро фон Зенгеру почти вдвое увеличить объем второго тома по сравнению с первым, хотя его анализ охватывает издания, вышедшие в свет до 1999 г. Хочу заметить, что в наступившем XXI столетии поток литературы, журнальных и газетных выступлений продолжает увеличиваться. И не только в Китае. Во Вьетнаме, Южной Корее, Японии стратегематика получила весьма бурное развитие⁵⁹.

На мой взгляд, наиболее убедительное объяснение этому явлению дает исследовательница из Новосибирска Т. Г. Завьялова, которая отмечает, что «в настоящее время в странах Восточной Азии не только изучают и издают в широком масштабе литературу, посвященную стратегемам, но происходят процессы популяризации и внедрения исторического опыта стратегем в массовое сознание. Вероятно, возрождение традиционной культуры стратегем и стратегемного мышления характеризует процессы трансформации культуры Дальневосточного региона в условиях глобализации и насильственной вестернизации, формирование новой парадигмы национальной и культурной самоидентификации»⁶⁰.

Т. Г. Завьялова попыталась не только осмыслить причины появления нового огромного массива научной и научно-популярной литературы в Китае, но и решила сделать очень важный шаг по систематизации этого массива с точки зрения жанровых особенностей, содержания, времени написания и степени научности издания⁶¹. Она разработала рубрикатор для класси-

⁵⁶ Саньшилю цзи. (Ча ту бань). Цзянь 1–12. // 36 стратегем. (Иллюстрированное издание). Т. 1–12. Составители Ци Хунчжи, Лун Фэн. Изд. Шидай вэньи чубаньшэ, Чанчунь, 2001. В редколлекцию этого издания входит 19 специалистов.

⁵⁷ Саньшилю цзи // 36 стратегем. Сост. Ван Цзянминь. Т. 1–4. Изд. Чжунго вэньши чубаньшэ, Пекин, 2002. Над этим четырехтомником трудилось 77 специалистов.

⁵⁸ «Саньшилю» цзеду // Расшифровка «36 стратегем». Сост. Мао Юаньгу, Сюй Чуцяо. Изд. Цзефанцзюнь вэньи чубаньшэ, Пекин, 2002.

⁵⁹ Сошлюсь лишь на некоторые японские издания из списка, любезно присланного мне Т. Г. Завьяловой: Фунабаси Харуо. Учимся по классике искусства управления: «Тридцать шесть стратегем». Токио, акционерное общество «Вэдзи», 2008. 296 с.; Масуми рё. По 36 примерам японо-китайского бизнеса учимся правилам ведения бизнеса с китайцами: тридцать шесть стратегем. Токио, акционерное общество «Дисукава: туэнтиван», 2008. 216 с.; Идзуми Кадзуюки. В безвыходной ситуации выход есть! Токио, акционерное общество «Пурэдзидэнтэ», 2001. 320 с.; Юаса Кунихиро. Классика для начинающих. Китайская классика: Суныцзы и Тридцать шесть стратегем. Токио, АО научное издательство Кадогава, 2008. 272 с.; Мория Хироси. 36 стратегем. Токио, АО «Санкасаёбо», 2004. 224 с.; Тадахико Такэока. Манга «36 стратегем». Токио, АО «Сю: эй», 1998, 344 с.; Кайхан Криппендорф. Стратегемное мышление в трактате «36 стратегем». Токио, изд-во «Дайямондо», 2008. 380 с.; Введение в стратегемы, используемые в стратегическом управлении. Нисимура Кокки. Токио, изд-во «То: ё: кэйдзай», 2002. 180 с.; Мураяма Макото. Китайские военные стратегемы от Суныцзы до Мао Цзэдуна. Токио, изд-во «Токукан», 1979. 250 с.

⁶⁰ Завьялова Т. Г. «Канон о сокровенном» Чжао Жуя // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. Т. 1. Вып. 2. Востоковедение. Новосибирск. 2002. С. 31.

⁶¹ Там же.

фикации печатной продукции, посвященной стратегемам или содержащей важную информацию о них. С любезного согласия Т. Г. Завьяловой приведем и проиллюстрируем лишь некоторые разделы этого рубрикатора.

Первоисточники (не включая философские и литературные классические каноны). К этой категории относятся новые издания трактатов «Гуй гу цзы» («Философ долины демонов») и «Фан цзин» («Канон о сокровенном»), знаменитого труда Сыма Гуана «Цзычжи тун цзянь» («Всепроницающее зеркало, управлению помогающее») ⁶², а также «Чжи шу» («Книг мудрости») эпохи династии Мин (1368–1644).

Издания трактатов «36 стратегем», «Сунь-цзы бинфа» и литература, посвященная этим памятникам. В этом разделе насчитывается 16 изданий, вышедших в период с 1995 по 2002 г.

Трактаты школы военных философов и литература, им посвященная. Сюда входят и многотомные собрания вроде «Лидай минжэнь цзимоу вэньку» – «Собрание стратегем выдающихся исторических личностей» (12 томов, Тайбэй, 1996), где в 6-м томе находится трактат Сун Биня, а в 12-м – трактат У-цзы.

Литература, посвященная стратегемам в философской классике. В этом разделе следует отметить две серии. Первая издана в г. Ухань в 1998 г., ее главным составителем является Юань Чжун. Она носит название «Чжунго чжимоу цзуншу» («Библиотечка китайских стратегем»). Ее назначение показать взаимосвязь стратегематики с различными философскими школами и течениями древнего и средневекового Китая. Вторая серия была издана в Тайбэе в 1999 г. Она гораздо объемнее первой и насчитывает свыше двух десятков томов. Ее заглавие «Чжихой жэньшэн» («Сообразительность в жизни»). Все тома также содержат массу примеров использования стратегем выдающимися философами прошлого.

Литература, посвященная стратегемам в 4-х классических романах и других литературных произведениях. Здесь издатели также пошли по пути публикации серий. Так, в 1998 г. издательство провинции Хэнань («Хэнань жэньминь чубаньшэ») предложило своим читателям серию с весьма привлекательным названием «Чжиши минчжу цзуншу» («Библиотечка разума знаменитых сочинений»). Стратегемы «извлекались» из таких действительно знаменитых во всем мире классических романов, как «Си ю цзи» («Путешествие на Запад»), «Хунлоу мэнь» («Сон в Красном тереме»), «Шуйху чжуань» («Речные заводы»), «Саньго чжи» («Троецарствие»). Близким к этой серии явился и изданный на Тайване в 1998 г. многотомник «Шиюн лиши» («Использовать историю»), в котором 8-й том был посвящен стратегемам в летописи «Чуныцю» («Весны и осени»), а 9-й – в романе «Троецарствие». Наконец, в 2000 г. в Пекине была издана серия, в которой нашли свое место стратегемы из всех вышеперечисленных романов ⁶³.

Словари и издания общего характера. Например, в 1993 г. в Пекине вышел первый, а в 1995 г. второй том «Словаря китайских стратегем» ⁶⁴. Аналогичный словарь в 2000 г. был издан в Шанхае ⁶⁵. Интересны биографические словари известных стратегемщиков ⁶⁶. А в пред-

⁶² Эта грандиозная энциклопедия, охватывающая все стороны управления государством, была переведена на русский язык нашим знаменитым китаеведом Н. Я. Бичуриным в начале XIX столетия. Подробнее см.: Мясников В. С., Попова И. Ф. Вклад о. Иакинфа в мировую синологию: к 225-летию со дня рождения чл. – корр. Н. Я. Бичурина // Вестн. РАН. 2002. Т. 72, № 12. С. 1099–1106.

⁶³ Серия «Моюю цинхуань чжиши жэньшэн» («Магия стратегем как руководство в жизни»). Изд. «Фанцзун чубаньшэ», Пекин, 2000.

⁶⁴ «Чжунго моулюэ дадянь». Сост. У Цзинтянь. Изд. Гоцзи вэньхуа чубань гунсы. Т. 1–2. 1993–1995. 1037 с.

⁶⁵ «Цзимоу шидянь» («Практический словарь стратегем»). Сост. Ма Чжуаньшэн, Лю Вэньфу. Изд. Ханьюй дацзыдянь чубаньшэ. Шанхай, 2000. 679 с.

⁶⁶ «Моулюэ цзя» («Стратегемщики»). Сост. Мао Чжэньфа и др. Изд. Ланьтянь чубаньшэ. Т. 1–2. Пекин, 1993. 606 с. В 1995 г. этот словарь вышел четвертым изданием. «Моулюэ цзя» («Стратегемщики»). Сост. Цзы Юцю. Изд. Ланьтянь чубаньшэ. Т. 1–2. Пекин, 1996–1998. Этот объемный труд (первый том 1392 с.) Цзы Юцю, работавший заместителем секретаря Всеки-

назначенной для детей серии наряду с книгами поговорок и басен опубликовано и пособие «500 образцовых стратегем»⁶⁷. Занятный прием привлечения интереса публики к стратегемам использовало издательство газеты «Гуанмин жибао»⁶⁸. Оно выпустило в свет четырехтомник под заглавием «Синь Цзычжи тунцзянь»⁶⁹, т. е. некую перелицовку или, как теперь принято называть, *ремейк* классического труда Сыма Гуана, о котором мы упоминали выше. Все четыре тома имеют раздел «исторические прецеденты», раскрывающий содержание стратегем, планов и методов в управлении государством, и раздел «исторические деятели», содержащий отрывки и афоризмы из произведений философской и литературной классики. Кроме того, каждый из томов включает в себе по три раздела. Первый том – «Управление государством», «Политика трудолюбия и бережливости», «Политика неподкупности». Второй том – разделы «Использование кадров», «Исполнение законов», «Внимание к советам и речам». Третий – «Составление стратегем и планов», «Исправления и новации», «Успокоение народа», в него полностью включен трактат «36 стратегем». Наконец, четвертый том посвящен самовоспитанию – «Дела в соответствии с Дэ» (воспитание характера), «Обучение талантов», «Домострой».

Разумеется, все части этого рубрикатора тесно связаны друг с другом и каждая из них наполнена огромным количеством литературы. Задача, которую поставила перед собой Т. Г. Завьялова, – подготовить сводный библиографический справочник по стратегематике. Сегодня выполнение этой грандиозной задачи частично облегчается Интернетом. В Сети содержится значительное количество информации об издательствах различных стран, выпускающих книги о стратегемах. Старое правило гласит: «Наука начинается с систематизации». Думаю, что наше китаеведение уже сделало первые шаги на «пути в 10 тысяч *ли*», который приведет нас к многоярусной пагоде, носящей поэтическое название «Сокровищница китайской стратегической мысли». Взойти на вершину этой пагоды будет гораздо труднее, чем проделать тернистый путь к ней. Но девизом всех дерзающих должно быть древнеримское правило: «*Per aspera ad astra*» – «Через тернии к звездам».

* * *

Издание книги Харро фон Зенгера на русском языке имеет свои особенности. Дело в том, что наша страна имеет давнюю китаеведческую традицию, какой не располагают, скажем, не только Турция или государства Латинской Америки, но и США, где были опубликованы переводы зенгеровских «Стратегем». Наши китаеведы успели, если перефразировать известные строки Б. Окуджавы, сорок тысяч разных книжек написать. Русский читатель знаком с фундаментальными трудами академиков В. П. Васильева, В. М. Алексеева, Н. И. Конрада, С. Л. Тихвинского. В предисловии к первому изданию его книги на русском языке Харро фон Зенгер признал, что автор этих строк «может считаться пионером китаеведческих стратегемных исследований на Западе»⁷⁰.

Что касается термина «стратегемы», то он пришел к нам как византийское наследие. Видный дипломат эпохи Петра Великого серб на русской службе Савва Лукич Владиславич был

тайского совета военных наук и являющийся членом Всекитайского общества изучения международной стратегии, пополнил и такими книгами, как «Мао Цзэдун да чжимоу» («Великая стратегема Мао Цзэдуна»), «Моулюэ лунь» («Теория стратегем»), ответственным редактором которых он является.

⁶⁷ «Чжимоу 500 ле» («500 примеров стратегем»). Сост. Чжан Янь, Жань Цзюйхой. Чунцин чубаньшэ. Чунцин, 2001. 500 с.

⁶⁸ «Гуанмин жибао» – основная газета китайской интеллигенции, типа нашей «Литературной газеты».

⁶⁹ «Синь Цзычжи тунцзянь» («Новое Всепроницающее зеркало, управлению помогающее»). Главн. сост. Ван Вэйго. Изд. «Гуанмин жибао чубаньшэ». Т. 1–4. Пекин, 1997. (Т. 1 – 978 с., т. 2 – 934 с., т. 3 – 951 с., т. 4 – 961 с.).

⁷⁰ Харро фон Зенгер. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратегем за три тысячелетия. Перев. с немецкого А. В. Дыбо. Общая редакция, вступ. статья и комментарии В. С. Мясникова. М., «Прогресс», «Культура», 1995. С. 19.

родом из Дубровника, где он получил классическое образование, владел греческим и итальянским языками, затем не один год жил в Константинополе. В 1727 году, будучи главой посольства в Китай и ведя переговоры с цинскими дипломатами, он разгадал, что они используют против него стратегемы. «И сию вторую стратегему они чинили, чем бы меня обмануть», – писал он в своем «Статейном списке»⁷¹.

XIX столетие также оставило нам свидетельство использования в нашей стране термина «стратегемы». «Во время пребывания Пушкина в Оренбурге, в 1836 году, один тамошний помещик приставал к нему, чтобы он написал ему стихи в альбом. Поэт отказывался. Помещик выдумал **стратегему**, чтобы выманить у него несколько строк. Он имел в своем доме хорошую баню и предложил ее к услугам дорогого гостя.

Пушкин, выходя из бани, в комнате для одевания и отдыха нашел на столе альбом, перо и чернильницу. Улыбнувшись шутке хозяина, он написал ему в альбом: «Пушкин был у Ава в бане»⁷².

Басня И. А. Крылова «Ворона и Лисица» была наглядным примером «бытовой» стратегемы. В. И. Даль в своем «Толковом словаре...» отнесся к термину **стратегема** как к одному из слов **живого** великорусского языка, не нуждающемуся в комментарии, и дал только два его значения: *военная хитрость, обман*⁷³.

На сегодняшний день в русских переводах имеется значительное число произведений китайской классической литературы. Например, широко цитируемые Харро фон Зенгером и наиболее «стратегемные» романы «Троецарствие» и «Путешествие на Запад» выдержали по два издания на русском языке. В конце 1990-х годов в Иркутске появилось новое русское издание романа «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй».

Более того, на рубеже XX и XXI столетий в России начала развиваться и стратегематика. Свидетельством тому является издание выполненного В. В. Малявиным перевода трактата «36 стратегем»⁷⁴. Одновременно в Петербурге появилась в переводе с английского антология трудов по военной стратегии Древнего Китая⁷⁵. Но постепенно акцент такого рода исследований начал смещаться с зенгеровской формулы «искусство жить и выживать» к парадигме «как жить и властвовать».

Именно под таким названием вышла в свет любопытная книга арабиста А. А. Игнатенко⁷⁶. За ней последовала публикация подготовленной Л. С. Васильевым своеобразной хрестоматии по восточным политическим стратегемам⁷⁷. Год спустя появилась книга переводов древних китайских трактатов, озаглавленная «Искусство властвовать»⁷⁸. И как бы в продолжение темы была издана «Книга дворцовых интриг», содержащая специально подобранные фрагменты из китайской литературной классики⁷⁹. Наконец, В. Малявиным переведен и «Военный канон в ста главах»⁸⁰.

Если Линь Юйтан связал «36 стратегем» с учением Лао-цзы, то не менее интересный вклад в осмысление трактата «36 стратегем» внес студент Русской христианской гуманитар-

⁷¹ АПРИ, ф. Сношения России с Китаем, 1727, д. № 9, л. 10.

⁷² Шутки и остроты А. С. Пушкина. СПб., 1899. Цит. по: Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века. М., 1990. С. 223.

⁷³ Даль В. И. Толковый словарь... Т. 4. М., 1944. С. 562.

⁷⁴ Тридцать шесть стратегем. Китайские секреты успеха. Перев. с кит. В. В. Малявина. М., 1998.

⁷⁵ У-цзин. Семь военных канонов Древнего Китая. СПб., Евразия, 1998.

⁷⁶ Игнатенко А. А. Как жить и властвовать. Секреты успеха, добытые в старинных арабских назиданиях правителям. М., «Прогресс», «Культура», 1994.

⁷⁷ Политическая интрига на Востоке. Отв. ред. Л. С. Васильев. М., 2000.

⁷⁸ Искусство властвовать. Ди Гоу (XI в.). План обогащения государства. План усиления армии. План успокоения народа. Перев. З. Г. Лапиной. Лю Шао (III в.). О человеческом существе. Перев. Г. В. Зиновьева. М., 2001.

⁷⁹ Книга дворцовых интриг. Евнухи у кормила власти в Китае. Под общ. ред. Д. Н. Воскресенского. М., 2002.

⁸⁰ Цзе Сюань. Военный канон в ста главах. Вступ. статья, перев. с кит. и комментарии В. Малявина. М., «Европа», 2011.

ной академии в С.-Петербурге Алексей Валерьевич Столяров. Он утверждал, что «трактат «36 стратегем» представляет собой детально проработанную модель Поднебесной. Проходящие в ее пределах процессы показаны через динамику борьбы двух династий – нарождающейся и теряющей свои позиции. Основой создания трактата является «Чертеж Великого предела»⁸¹.

Появились и некоторые издания, которые содержат положения близкие стратегемам, они созданы как бы по мотивам стратегем, их можно расценить как попытки стратегемотворчества. К таким книгам относится переведенный с английского солидный фолиант «48 законов власти» Р. Грина⁸². Автор признается, что в Италии в художественной школе Fabrice ему открылась «непреходящая актуальность Макиавелли»⁸³. При этом он подчеркивает, что источниками для его труда послужили документы, созданные «цивилизациями далекими и несопоставимыми, такими как Древний Китай и Италия эпохи Возрождения»⁸⁴.

Следует заметить, что наряду с интересом к восточным школам стратегий в нашей стране наметился и устойчивый спрос на труды Н. Макиавелли и его последователей. Упомянем здесь лишь несколько последних изданий, таких как «Этика Макиавелли»⁸⁵, «Максима Макиавелли. Уроки для России XXI века. Статьи, суждения, библиография»⁸⁶, и, наконец, изданные в одном томе «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» и «Государь» самого Н. Макиавелли⁸⁷.

И все же китайские «Стратегемы» занимают приоритетное место у читающей публики, а открытие их как важнейшего компонента китайской политической мысли и общественного сознания, как секретного оружия Востока, признано одним из серьезных достижений академической востоковедной науки в нашей стране⁸⁸. Таким образом, наша читательская аудитория лучше подготовлена к знакомству со «Стратегемами» Харро фон Зенгера при их полном издании. Учитывая это, при подготовке рукописи первого тома мы стремились дать адекватные уже имеющимся русским переводам названия, имена собственные, понятия.

При этом, стараясь избежать двойного перевода, т. е. с китайского на немецкий, а затем с немецкого на русский (еще академик В. М. Алексеев показал несостоятельность попыток переводить русскую литературу на китайский язык не с оригиналов, а с английских и немецких переводов), использовали готовые фрагменты из уже имеющихся русских изданий. Во всех случаях это оговорено в комментариях. Тот же метод был применен и для передачи довольно многочисленных цитат из трудов Мао Цзэдуна. Мы отсылаем читателя именно к сделанному в Китае официальному переводу на русский язык сочинений Мао Цзэдуна. И, наконец, чтобы читателю было легче ориентироваться, мы применяли уже ставшие привычными названия литературных произведений. Например, роман «Шуй ху чжуань» имеет адекватное русское название «Речные заводи», поэтому мы сочли возможным отказаться от используемого Х. Зенгером немецкого названия «Разбойники с Ляншаньских болот»⁸⁹.

Литературное редактирование первого тома «Стратегем» было выполнено Светланой Даниловной Марковой. Перевод второго тома и его комментирование сделал Александр Гарькавый, который также придерживался упомянутых выше принципов использования готовых фрагментов из русских переводов китайской классики. Так, например, отрывки из «Бесед и

⁸¹ Столяров А. В. Искусство стратегем // Восток – Запад. Историко-литературный альманах. 2009–2010. С. 151–168.

⁸² Грин Р. 48 законов власти. М., 2003.

⁸³ Там же, с. 5.

⁸⁴ Там же, с. 29.

⁸⁵ Юсим М. А. Этика Макиавелли. Отв. ред. В. И. Рутенбург. М., 1990.

⁸⁶ Максима Макиавелли. Уроки для России XXI века. Статьи, суждения, библиография. Под общ. ред. П. Баренбойма. М., 2001.

⁸⁷ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. М., 2002.

⁸⁸ См.: Губарев В. С. Фантастика в чертежах. Судьба науки и ученых в России. М., 2003. С. 377–391.

⁸⁹ Перевод названия этого романа, например, на английский язык звучит как «All Men Are Brothers» – «Все люди братья».

суждений Конфуция» даются по работе А. С. Мартынова⁹⁰, а «Трактат о военном искусстве» Сунь-цзы цитируется в переводе академика Н. И. Конрада, а иногда отсылка идет к хрестоматии В. В. Малявина⁹¹.

Выход в свет в 1995 г. перевода на русский язык первого тома «36 стратегем» стал заметным явлением. В журналах и газетах появились положительные отклики. Читающая публика говорила, что книга Харро фон Зенгера захватывает, как «Тысяча и одна ночь». Тираж разошелся очень быстро, и книга стала большой редкостью. На встречах с читателями и в письмах, приходивших в мой адрес, чаще всего задавался вопрос: «Когда же будет опубликовано продолжение?»

В 1994 г. профессор Харро фон Зенгер опубликовал две книги: «Введение в правовую систему Китая» (в Германии) и в Швейцарии – монографию о международном частном и процедурном праве КНР. Административная должность декана факультета, как он признавал, дала ему возможность на практике следить за стратегемностью поведения окружающих и одновременно обсуждать эту проблему со специалистами по различным дисциплинам. После публикации двух упомянутых книг уже прославленный автор взялся за подготовку второго тома «Стратегем», который и увидел свет в 2000 г.⁹²

В 2004 г. издательство «Эксмо» выпустило «Стратегемы» Харро фон Зенгера в двух томах⁹³. Теперь это же издательство предоставило читателям возможность познакомиться с изданием труда нашего швейцарского коллеги в одном томе, что значительно облегчает пользование им. Надеюсь, что читающая публика по достоинству оценит этот том.

В. С. Мясников

⁹⁰ Мартынов А. С. Конфуцианство. Лунь юй. Перевод А. С. Мартынова. Т. 1–2. СПб., 2001.

⁹¹ Каноны. Китайская наука стратегии. Составитель В. В. Малявин. М., Белые альвы, 1999.

⁹² Harro von Senger. Stratageme. Band II. Die berühmten 36 Strategeme der Chinesen – lange als Geheimwissen gehütet, erstmals im Westen vorgestellt. Scherz, 2000.

⁹³ Харро фон Зенгер. Стратегемы. Т. 1. Стратегемы 1–18, т. 2. Стратегемы 19–36. М., «Эксмо», 2004.

К русскому читателю

Китайская цивилизация является одновременно и китайской и общечеловеческой, ибо китайцы, являясь китайцами, в то же время суть просто человеческие существа. Одна из выдающихся отраслей китаеведческих исследований (которую можно было бы назвать «китаеведческие исследования, объясняющие Китай») сосредоточивает свое внимание на типично китайских чертах китайцев, т. е. на том, что считается специфически характерным для Китая. Этот тип китаеведческих исследований нацелен на то, чтобы мы поняли Китай. Я же в этой книге подчеркиваю другой аспект китаеведения: существуют китаеведческие исследования, придающие особое значение тем аспектам китайской культуры, которые являются частью культуры всего человечества; китаеведение служит не только для изучения китайского народа, но и для лучшего понимания рода человеческого в целом. «Воспринимающее китаеведение» ставит своей целью определить приемлемые для остального человечества разделы китайской культуры и знаний, с тем чтобы перенести их в наши страны, и таким образом мы могли бы заполнить пробелы в нашей цивилизации и обогатить наши знания.

Такой подход может быть очень успешно проиллюстрирован изучением китайских стратегем. Стратегемы, т. е. *неортодоксальные* пути к достижению военных, гражданских, политических, экономических или личных целей, представляются общечеловеческим феноменом. Однако, в связи с некоторыми культурными и религиозными условиями, на Западе почти отсутствуют исследования по этой теме. Понимание стратегемности на Западе развито слабо. Представители Запада – до определенной степени – поражены «стратегемной слепотой», хотя в своей повседневной жизни они постоянно являются жертвами стратегем и часто сами применяют их в зависимости от ситуации, иными словами, без всякой теории и без подлинного предварительного расчета.

С другой стороны, в Китае никогда не налагалось табу на хитроумные планы до такой степени, как это делалось на Западе. Там традиционно существовала большая, чем на Западе, свобода в этой области. Китай, по-видимому, является единственным местом в мире, где стратегемы когда-либо были распределены по категориям и получили собственные названия (в форме каталога 36 стратегем). Основное намерение автора этой книги – показать возможность универсального применения китайской стратегемности (учения о хитроумных планах) на любом поприще и в любой стране для исследовательских и практических целей. То, что это намерение уже приносит плоды, подтверждает книга «Хитроумный Иисус», написанная швей-

царским протестантским священником, который использовал 36 китайских стратегем для раскрытия хитроумия Иисуса. Пусть русское издание «Стратегем» вдохновит исследование таких проблем, как «хитроумные замыслы в политике», «стратегемная социология», «психология коварных замыслов», «мотив лукавства в литературе», «философия хитрости».

Первым западным деятелем, который когда-либо упомянул, применительно к Китаю, термин «стратегема», был русский дипломат начала XVIII в.⁹⁴ Это – открытие моего дорогого коллеги профессора В. С. Мясникова, кто, таким образом, может считаться пионером китаеведческих стратегемных исследований на Западе. Поэтому я особенно горд и глубоко благодарен профессору В. С. Мясникову за его огромные усилия, направленные на выход в свет русского издания этой книги.

Эта книга стремится преподать Китайское Искусство Хитроумия, но в основе ее лежит дух высказывания китайского мыслителя Хун Цичэна: «Сердце, которое хочет нанести вред другим, не подлежит прощению, но сердце, заботящееся о других, совершенно необходимо». Я хочу, чтобы эта книга помогла русским читателям быть «простыми, как голуби», но в то же время «мудрыми, как змии» (Иисус⁹⁵).

ХАРРО ФОН ЗЕНГЕР
Фрейбург, апрель 1993 г.

⁹⁴ Речь идет о выдающемся русском дипломате С. Л. Владиславиче-Рагузинском, который в 1727 г. писал о китайских сановниках: «И сию вторую стратегему они чинили, чем бы меня обмануть» (АВПРИ, ф. Сношения России с Китаем, 1727, д. № 9, л. 10) (В. М.).

⁹⁵ Выражение из Евангелия (Мф., 10, 16). Обращаясь к апостолам, Иисус сказал: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (В. М.).

Пролог

Стратегема открытых городских ворот

Советник Кун Мин, прозванный также Чжугэ Ляном⁹⁶, был послан с 5000 солдат в Сичэн, чтобы перевезти находившиеся там припасы в Ханьчжун. Там к нему вдруг начали прибывать один за другим более десятка гонцов, скакавших во весь опор. Они сообщили, что вражеский военачальник Сыма И⁹⁷ из государства Вэй вступает в Сичэн с подобным осеннему рою войском в 150 000 человек. К этому времени при советнике Кун Мине не было уже ни одного военачальника, лишь штаб из штатских чиновников. Из 5000 солдат половина уже отбыла из Сичэна вместе с припасами. В городе оставалось не более 2500 солдат. Когда чиновники услышали это известие, лица их побледнели от ужаса. Советник Кун Мин поднялся на городскую стену и обозрел окрестности. И вправду, у горизонта небо было закрыто клубами пыли. Огромное войско вражеского военачальника Сыма И приближалось. Советник Кун Мин приказал:

– Снимите и спрячьте флаги и знамена с городской стены! Каждый воин пусть находится на своем посту! Сохраняйте тишину; ослушник, подавший голос, будет обезглавлен. Все четверо городских ворот распахнуть настежь! Пусть у каждого ворот подметают улицу двадцать солдат, переодетых горожанами. Когда подойдет войско Сыма И, пусть никто не действует самовольно. У меня есть для этого случая стратегема [цзи].

Затем Кун Мин накинул плащ из журавлиных перьев⁹⁸, надел коническую шелковую шапку и отправился на городскую стену в сопровождении двух оруженосцев, захватив с собой цитру с гнутой декой, и там уселся прямо на парапет одной из наблюдательных башен. Возжегши курение, он начал играть на цитре.

Между тем разведчики авангарда генерала Сыма И достигли городской стены и увидели все это. Никто из разведчиков не решился пройти дальше. Спешно вернулись они к Сыма И и сообщили об увиденном. Сыма И недоверчиво рассмеялся. Затем он приказал войскам

⁹⁶ *Чжугэ Лян* – полководец эпохи Троецарствия (192–265 н. э.). Это был период падения Ханьской империи и жестоких междоусобиц в Китае. Со 192 г. борьбу за власть вели три главных претендента – военачальники Цао Цао, Лю Бэй и Сунь Цюань. Цао Цао назвал свои владения царством Вэй со столицей в г. Лоян. Обширные земли современных провинций Хэбэй, Шаньдун, Шаньси, частично Шэньси, Ганьсу, Хэнань, Цзянсу, Хубэй, Аньхой составляли территорию царства Вэй, которое захватывало и часть Южной Маньчжурии и Северной Кореи. Цао Пэй, сын и преемник Цао Цао на престоле Вэйского царства, в 220 г. низложил последнего императора династии Поздняя Хань. Эта дата считается иногда началом Троецарствия. Однако на деле три фактически независимых района страны появились в 192 г. Сунь Цюань дал своим владениям название царство У. Оно располагалось в южной и юго-западных частях страны, занимая территории пров. Хунань, Цзянси, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун и Гуанси, а также южные части пров. Аньхой, Хубэй и Цзянсу. Столицей являлся г. Нанкин, называвшийся тогда Цзянье. Лю Бэй овладел западом Китая, т. е. территориями нынешних пров. Сычуань, частично Шэньси, Хубэй, Гуйчжоу и Юньнань. Нынешняя столица Сычуани г. Чэнду служил столичным городом и этому царству, называвшемуся Шу-Хань. Чжугэ Лян, первоначальное имя которого было Кун Мин, был выходцем из г. Яньду. Затем, спасаясь от бедствий, он бежал в г. Цзиньчжоу, где сам обрабатывал землю. Он стал сподвижником Лю Бэя и выдающимся стратегом царства Шу-Хань.

⁹⁷ Сыма И был командующим на службе у Цао Цао. В 263 г. царство Вэй разгромило Шу-Хань. Внук Сыма И – Сыма Янь – в 265 г. низложил потомка Цао Цао, третьего вэйского правителя и, провозгласив себя императором, дал своей империи название Цзинь. Покончив в 280 г. и с царством У, он восстановил единство Китая.

⁹⁸ Реальные исторические персонажи периода Троецарствия превратились со временем в действующих лиц китайского героического эпоса; наиболее значительным произведением этого жанра был написанный в XIV в. роман Ло Гуаньчжуна «Троецарствие». Творчество Ло Гуаньчжуна протекало в период, когда в Китае заканчивалось правление чужеземной монгольской династии Юань. Верхи и низы общества были единодушны в стремлении восстановить правление национальной китайской династии. Поэтому не случайно Чжугэ Лян и Сыма И – борцы за объединение Китая – были возведены в ранг национальных героев, а один из военачальников той эпохи, Гуань Юй, был канонизирован в качестве «бога войны» – Гуань-ди. Чжугэ Лян, в свою очередь, был наделен выдающейся конфуцианской мудростью и способностями даосского мага. Его накидка из журавлиных перьев вызывала в народном представлении ассоциации с бессмертными даосскими святыми, поднимавшимися в небеса на журавлях.

остановиться. Сам он поехал вперед на быстрой лошади, чтобы издали посмотреть на город. И впрямь, там он увидел советника Кун Мина, который сидел на сторожевой башне городской стены с радостной улыбкой на лице и играл на цитре с гнутой декой среди дымок от курящихся благовоний. Слева от него стоял оруженосец, который обеими руками держал драгоценный меч, справа – оруженосец с волосьяным опахалом.

В проходе городских ворот и перед ними виднелось около двадцати простолюдинов, которые с опущенными головами невозмутимо подметали дорогу. Когда Сыма И разглядел все это, он пришел в сильное смущение. Он вернулся к своему войску, приказал авангарду и арьергарду поменяться местами и повернул на север, в направлении лежащих там гор. Его второй сын, Сыма Чжао, по дороге проговорил:

– Наверняка у Чжугэ Ляна не было воинов, потому он и разыграл эту сцену. Отец, почему вы отвели войско?

Сыма И отвечал:

– Чжугэ Лян известен своей предусмотрительностью и осторожностью. Еще никогда он не предпринимал ничего рискованного. Сегодня ворота города были широко открыты. Это определенно указывает на подвох. Если бы мои войска вступили в город, они, конечно, пали бы жертвой стратагемы. Предпочтительно было побыстрее отступить.

И все войско Сыма И ушло. Кун Мин увидел, как вражеские отряды исчезают вдаль. Он рассмеялся и захлопал в ладоши. Все чиновники, бывшие с ним, были озадачены. Они спросили Кун Мина:

– Сыма И – знаменитый военачальник государства Вэй. Сегодня он привел сюда 150 000 отборных воинов, увидел вас, советника Шу-Хань, и поспешно отступил. По какой причине?

Кун Мин отвечал:

– Этот человек исходил из того, что я стараюсь вести себя предусмотрительно и осторожно и никогда не рискую. Увидев такую картину, он решил, что у меня множество воинов сидит в засаде. Поэтому он отступил. Вообще меня смущают отчаянные предприятия, но сегодня я искал спасения в таких действиях, так как не имел выбора.

Все чиновники в изумлении склонили головы и воскликнули:

– Стратегему советника не удалось бы разгадать даже привидению! Если бы не он, мы должны были бы просто сдать город и спасаться бегством!

Кун Мин сказал:

– У меня ведь было только 2500 воинов. Если бы мы оставили город и бежали, конечно, далеко бы мы не ушли. Сыма И взял бы нас в плен.

В позднейшие времена было написано стихотворение, восхвалявшее это деяние:

«Цитра с гнутой декой, украшенная нефритом, длиною в три фута победила отборное войско, когда Чжугэ Лян в Сичэне повернул врагов вспять. Понине местные жители показывают это место. Там 150 000 человек повернули коней»⁹⁹.

⁹⁹ Этот эпизод считается классической иллюстрацией к тому положению «Трактата о военном искусстве» Сунь-цзы, которое гласило, что полководец должен быть «хозяином» войны. «У того, кто умеет нападать, противник не знает, где ему обороняться; у того, кто умеет обороняться, противник не знает, где ему нападать», – учил Сунь-цзы. Как сбить нападающего с толку неожиданностью своих действий, разрушить этим его планы – вот что демонстрирует Чжугэ Лян (см.: Конрад Н. И. Избранные труды. Синология. М., 1977. С. 123–125). Литературная версия этой стратагемы изложена в романе «Троецарствие» (см.: Ло Гуаньчжун. Троецарствие. М., 1954. Т. 2. С. 439–449. На заставке тома читатель может увидеть и портрет Чжугэ Ляна). Сокращенное издание романа было опубликовано в 1984 г., в нем также имеется этот эпизод (см.: Ло Гуаньчжун. Троецарствие. М., 1984). В том и другом изданиях перевод выполнен В. Панасюком. Приводимое здесь стихотворение имеется в русском издании 1954 г. Оно звучит следующим образом (с. 449): Яшмовый цинь длиною в три чи храбрейшее войско рассеял. Так Чжугэ Лян заставил врага с позором уйти от Сичэна. Тысячи всадников в страхе большом коней повернули обратно. Слушая сказ об этих делах, дивисься тому неизменно.

Приобретение наложницы путем измерения земли

Один юноша, не достигший еще совершеннолетия, но весьма смысленный, рано лишился обоих родителей и жил под опекой своего дяди. Однажды юноша заметил, что у дяди очень обеспокоенный вид. Он стал расспрашивать о причинах этого. Дядя отвечал, что тревожится о том, что у него нет сына. Чтобы позаботиться о мужском потомстве, следовало бы взять в дом наложницу, но этого не хочет его супруга. Потому он и озабочен.

Юноша немного подумал, а затем сказал:

– Дядя, не печалься более. Я вижу способ добиться от тети согласия.

– Вряд ли у тебя что-нибудь получится, – недоверчиво проговорил дядя.

На следующий день с утра юноша взял портновскую линейку и стал мерить ею землю, начиная от двери дядиного дома, и занимался этим так упорно, что тетка выглянула из дома.

– Что это ты тут делаешь? – спросила она.

– Я обмеряю участок, – хладнокровно отвечал юноша и продолжал свое занятие.

– Что? Обмеряешь участок? – воскликнула тетка. – Что это ты волнуешься о нашем добре?

На это юноша с самоуверенной миной пояснил:

– Тетушка, это же само собой разумеется. Я готовлюсь к будущему. Вы с дядей уже не молоды, а сыновей у вас нет. Поэтому, конечно, ваш дом останется мне, вот я и хочу его обмерить, потому что собираюсь впоследствии перестраивать.

Тетка, раздраженная и разгневанная, не смогла ни слова вымолвить. Она побежала в дом, разбудила мужа и начала умолять его, чтобы он как можно скорее взял наложницу.

Введение

Как было найдено слово

«А что это такое – стратегема?» – спросил меня недавно один университетский профессор, когда я однажды упомянул в разговоре 36 китайских стратегем.

Начиная свой синологический доклад о 36 китайских стратегемах, прочитанный перед слушателями всех факультетов Цюрихского университета, я прежде всего поставил перед аудиторией вопрос: «Кто знает слово «стратегема»?» И в заполненном зале поднял руку лишь один слушатель, причем пожилого возраста.

Слово «стратегема» восходит к древнегреческому *strategema*, что означает военное дело вообще и в частности военную хитрость. Римский государственный деятель Секст Юлий Фронтин (до 103 н. э.) избрал для своего трактата название *strategemata* (множественное число от *strategema*). Этот почти двухтысячелетний трактат вышел в немецком переводе под заголовком «Военные хитрости» (*Kriegslisten*. Berlin-DDR, 1963; 3-е изд., 1987). В последний раз перед этим книга переводилась на немецкий в 1792 г., последнее английское издание относится к 1925 г. (имеются позднейшие переиздания). Кажется, что слово «стратегема» в английском языке куда более употребительно, чем в немецком; в *The Oxford English Dictionary*, Vol. X, Oxford, 1933, ему дается следующее толкование:

1. a. An operation or act of generalship; usually, an artifice or trick designed to outwit or surprise the enemy. (Военная операция или прием, обычно хитрость или уловка, предназначенная, чтобы ввести в заблуждение или застать врасплох врага.)

1. b. In generalized sense: Military artifice. (В обобщенном смысле: военная хитрость.)

2. a. Any artifice or trick; a device or scheme for obtaining an advantage. (Любая хитрость или уловка; прием или интрига с целью достигнуть преимущества.)

2. b. In generalized sense: Skill in devising expedients; artifice, cunning. (В обобщенном смысле: изобретательность в поисках выхода; хитрость, изворотливость.)

Это слово, которое даже в «Немецком словаре» Я. и В. Гриммов (том 19 по переизданию 1984 г.) толкуется не более исчерпывающим образом, в пределах англосаксонского мира встречается не только в заглавиях книг по военному делу (см., например: Whaley B. *Stratagem – Deception and Surprise in War*. Cambridge, Massachusetts, Center for International Studies, 1969, или Bailey F. G. *Stratagems and Spoils: A Social Anthropology of Politics*, Oxford, 1985), но и, скажем, в книгах психологической ориентации, как в работе А. Х. Чэпмена «Put-offs and Come-ons». New York, 1968 (немецкий перевод – Берн, 1969, под заголовком «Приемы против ближних»). В 1970 г. в Национальном театре в Лондоне шла пятиактная комедия «The Beaux' Stratagem», принадлежащая перу драматурга Жоржа Фаркуара (1678–1707). «Литературно-энциклопедический словарь» Киндлера (Цюрих, 1965) переводит заглавие, опуская слово «стратегема», как «Военная хитрость щеголя», хотя в ней идет речь всего лишь о брачной афере. Итак, мне представляется, что в английском и французском языках слово *stratagem/stratageme* определенно прижилось. Еще один пример: в «Записках тунеядца» (3-е изд. Цюрих, 1984) Ж.Р. фон Салис выводит на с. 304 некоего «человека, притворяющегося слепым», который, «наблюдая доверчивых окружающих из этого самодельного убежища, видит все людские уловки». Во французском издании (*Parler au Papier*. Lausanne, 1984) эта фраза выглядит как

«qui se fait passer pour aveugle et qui, grvse a ce stratagime, observe son entourage...»¹⁰⁰. Таким образом, и во французском тексте употребляется слово «стратагема», отсутствующее в немецком. Имеется, однако, и обратный пример пренебрежения феноменом стратагема на немецкоязычном Западе: издатели монументальной «Новой Британской Энциклопедии» (30 т., 15-е изд. – 1981) не обнаружили в мире ни одной стратагема. Напротив, «Grand Larousse encyclopidique» (10 т. Париж, 1964) не пропустил словарной статьи «Stratagime».

В немецкоязычном мире слово Strategem влечит жалкое существование Золушки и употребляется в редчайших случаях – например, у Х. Г. Бека: «И стратагема, военные хитрости, которыми человек обеспечивает себе выживание, вернее, чем дерзость и мужество» (Byzantinisches Eroticon. Munchen, 1986. S. 182). Напрасно будет читатель разыскивать это слово в компактном издании «Большого Брокгауза» (26 т., 1984), или в Meyers Neue Lexicon (8 т., 1980), или в «Орфографическом словаре» Дудена (1980). Однако оно имеется в «Словаре иностранных слов» Дудена с толкованием «военная хитрость, прием, уловка», в «Немецком словаре» Варига с толкованием «военная хитрость, обман врага». Изредка оно встречается также в научных работах; например, у Шопенгауэра в «Эристической диалектике» перечисляется 36 риторических стратагем, или приемов. Но в повседневной речи, в общепринятом научном словаре, в беллетристике и языке средств массовой информации слово «стратагема» практически отсутствует.

Совершенно иначе обстоит дело в Китае. И в произведениях древнекитайской литературы, относящихся к периоду «Весны и Осени» (VIII–IV вв. до н. э.) или к периоду «Сражающихся царств» (V–III вв. до н. э.)¹⁰¹, и в современной китайской литературе и периодике, и в докладах Мао Цзэдуна взгляд то и дело останавливается на иероглифах:

着

современное чтение – *чжао*

謀

современное чтение – *моу*

笑

современное чтение – *цэ*

и в особенности

計

современное чтение – *цзи*

¹⁰⁰ Который притворяется слепым и который, благодаря этой стратагеме, наблюдает окружающих (*фр.*).

¹⁰¹ Термин «Весна и Осень» (по-китайски «Чунь-цю») употребляется в двух значениях. Во-первых, так названа пятая книга конфуцианского пятикнижия, содержащая летопись княжества Лу; во-вторых, такое название носит исторический период 722–481 гг. до н. э. В те времена страна распалась на множество самостоятельных владений, а власть правившей династии Чжоу (XI–III вв. до н. э.) была лишь номинальной. Однако постепенно к периоду «Сражающихся царств» («Чжаньго»), который охватывал 403–221 гг. до н. э., главными на исторической арене остались семь царств: Чу, Цинь, Чжао, Ци, Вэй, Янь и Хань. Исторические хроники этого периода носят название «Чжаньго цэ» – «Планы «Сражающихся царств». Но иероглиф «цэ» имеет значение и «план», и «стратегия». Поэтому речь идет о дипломатических и военных стратагемах, использовавшихся в тот период в борьбе между древнекитайскими царствами. Именно это содержание источника и раскрывалось исследователями (см.: Васильев К. В. Планы Сражающихся царств. М., 1968; Crump J. I., Jr. Intrigues. Studies of the Chan-kuo Ts'e. Ann Arbor, Univ. of Michigan Press, 1964. Дж. Крамп сделал и полный перевод этой хроники, см.: Chan-kuo Ts'e. Translated by J. I. Crump, Jr. Clarendon Press, Oxford, 1970).

計

Истолкуем, например, иероглиф
Он состоит из двух частей:

言

современное чтение – *янь* «считать»¹⁰²

十

современное чтение – *ши* «десять»

и, таким образом, обозначает «считать до десяти», или вообще «считать, учитывать, рассчитывать», а как существительное – «расчет, план». В зависимости от контекста китайские иероглифы могут выступать в различных значениях. Это касается и слова «цзи», и других, приведенных выше. Нас в них интересуют выступающие в определенных типах текстов два значения: 1) военная хитрость и 2) хитрость, уловка в политической и частной жизни.

Именно этим двум значениям и соответствует в западных языках слово «стратегема». Так, в вышедших в Пекине в 1970 и 1978 гг. китайско-английских словарях объемом 20 тыс.

三十六計

слов выражение («саньшилю цзи»), используемое в основном в текстах политической и военной тематики, переводится как «36 стратегем». Я предпочитаю слово «стратегема» слову «хитрость», поскольку у слова «стратегема» отсутствует свойственный слову «хитрость» отрицательный оттенок значения. «Хитрость» (нем. List), как указано в «Этимологическом словаре немецкого языка» Ф. Клюге, производится от германского list – «знать», которое древнее других слов, обозначающих знание. Оно относилось к области воинского искусства (военные хитрости), кузнечного ремесла и культово-магической деятельности, которая христианством была запрещена как колдовская. С этих пор слово list употребляется с оттенком осуждения, а вновь возникающий мир идей обращается к «искусству» (Kunst), «мудрости» (Weisheit), «науке» (Wissenschaft). Приведенные выше китайские иероглифы – как и слово List («хитрость») в древние времена – употребляются вполне нейтрально, а то и в положительном смысле. Отметим, что китайский иероглиф с чтением «чжи», который переводится в большинстве западных словарей как «мудрость», «знание» и под., в китайских текстах – как в древних, так и в новых – употребляется в основном в значении «хитрость» или же – нейтрально – «стратегема».

¹⁰² Основное значение иероглифа янь – «речь», «слово». Значения «считать» не дают ни китайские, ни европейские словари (В. М.).

Тридцать шесть стратегем почтенного господина Тана

Первую ссылку на «Тридцать шесть стратегем» находим в «Истории династии Южная Ци» («Нань Ци шу»). Династия Южная Ци правила в 479–502 гг. История династии Южная Ци была составлена Сяо Цзысяне (489–537). Эта хроника содержит биографию государственного деятеля Ван Цзинцзэ. Герой биографии однажды упоминает «тридцать шесть стратегем (саньшилю цэ) почтенного господина Тана».

Под «господином Таном» подразумевается знаменитый военачальник Тан Даоцзи (до 436 до н. э.), состоявший на службе династии Южная Сун (420–479). «Жизнеописание Тан Даоцзи» содержится в XV томе «Истории южных династий» («Нань ши»). Там присутствует следующий эпизод:

«Во главе войска Тан Даоцзи двинулся на север и пробился к реке Ци. Он окружил большие силы государства Вэй и взял Хуатай. Больше тридцати сражений дал он войску Вэй и большинство их выиграл. Когда его войско достигло Личэна, прекратился подвоз продовольствия, и он повернул назад. От перебежчиков врагу стало известно о нехватке провианта в сунской армии и о происходящем от этого недовольстве и упадке боевого духа. Тогда однажды ночью Тан Даоцзи приказал своим воинам взвешивать песок, громко выкрикивать получившийся вес, а потом просыпать вокруг немногий еще оставшийся у них рис. На рассвете войска Вэй поверили, что у армии Тан Даоцзи еще достаточно запасов риса, и прекратили преследование. Перебежчиков они сочли лжецами и отрубили им головы. Но среди войск Тан Даоцзи, которые были значительно малочисленнее вражеских, а теперь были совершенно изнурены, разразилась паника. Тогда Тан Даоцзи приказал воинам надеть вооружение. Сам он на боевой колеснице медленно объехал свой лагерь. Когда войска Вэй увидели это, они испугались засады, не решились приближаться и отступили. Хотя Тан Даоцзи не удалось завладеть областью Желтой реки, он привел на родину войско целым и невредимым. Оттого повсюду разошлась слава о его героизме, и государство Вэй трепетало перед ним».

Эта история показывает, как благодаря использованию различных стратегем Тан Даоцзи удалось уберечь войско от уничтожения. Но был ли в его распоряжении набор из 36 стратегем – об этом полуторатысячелетняя «История династии Южная Ци» умалчивает. Да и вряд ли имелись в виду какие-то конкретные 36 стратегем: китайцы с древних пор питают слабость к численным метафорам, в частности с числом 36, и не всегда используют числительные в буквальном смысле, так что Ван Цзинцзэ вполне мог подразумевать просто «многочисленные стратегемы» – как в современном французском разговорном языке выражение *trente-six* (36) означает неопределенно большое число.

Число 36 в словосочетании «36 стратегем» старейшего дошедшего до нас трактата о стратегемах (о котором подробнее см. ниже) обосновывается ссылкой на «И цзин» («Книгу перемен»)¹⁰³ – гадательную книгу, основное содержание которой может быть датировано X–VIII вв.

¹⁰³ «И цзин» (другое название «Чжоу и») – «Книга перемен», или «Канон перемен» – замечательный памятник древнекитайской философской и религиозной мысли. В духовной жизни восточноазиатского цивилизационного комплекса «И цзин» играл особую роль, сравнимую лишь со значением Библии для христианской культуры. Выдающийся вклад в перевод и изучение «И цзина» был сделан петербургским востоковедом Ю. К. Щуцким (1897–1938), трагически погибшим в годы необоснованных репрессий. В 1960 г. труд Ю. К. Щуцкого удалось издать небольшим тиражом под редакцией Н. И. Конрада. В 1993 г. вышло новое издание труда Ю. К. Щуцкого (см.: Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен», 2-е изд., исправленное и дополненное. Под ред. А. И. Кобзева. М., 1993).

до н. э. Главная идея «Книги перемен», этого одного из известнейших древнекитайских сочинений, согласно древнейшему (середина I тысячелетия до н. э.) комментарию, – дуализм Инь и Ян, двух противоположных сил, из которых Ян представляет (в частности) солнечную сторону, а Инь – тeneвую. Но Инь означает также «хитрость», и по «Книге перемен» ее число – 6. Исходя из этого, число 36 является квадратом элементов Инь и, таким образом, вызывает представление о великом множестве хитростей.

В «Книге перемен» нет, однако, списка 36 стратагем, хотя определенные «стратагемные» типы поведения намечаются. Нет этого списка и в цитированной выше «Истории династии Южная Ци» или в любой другой из 24 историй китайских династий. До последнего времени считалось, что впервые 36 стратагем были сведены в хитроумной таблице, известной под названием «Хунмынь чжэсюэ» («Философия Хунмынь»), принадлежащей тайному обществу Хунмынь, основанному около 1674 г. Общество Хунмынь преследовало цель освобождения из-под власти чужеземной маньчжурской династии (1644–1911) и восстановления коренной династии Мин (1368–1644). Составленный им список 36 стратагем может рассматриваться как прообраз бытующих ныне версий 36 стратагем. Но в 1941 г. был обнаружен более ранний источник – «Трактат о 36 стратагемах», относимый к концу династии Мин.

Тысячелетняя кристаллизация

Толковавшееся выше слово «цзи», которое мы будем здесь переводить как «стратегема», в этом значении фигурирует уже в древнейшем в мире руководстве по военному делу – в трактате о воинском искусстве Сунь У (Сунь-цзы)¹⁰⁴, современника Конфуция (551–479 до н. э.), непосредственно в заголовке первой главы. В этой главе воинское искусство определяется как искусство введения в заблуждение. В третьей главе, название которой английский синолог Л. Джайлс переводит как «Attack by Stratagem» («Нападение посредством стратегемы»), провозглашается: «Лучше всего победить вражеское войско, не применяя оружия».

Для Сунь-цзы победа в битве стоит лишь на третьей ступени по шкале воинского искусства. Второе место он отдает победе дипломатическими средствами, а первое – победе с помощью стратегемы. Насколько большое место уделяет Сунь-цзы военной хитрости как косвенному стратегическому методу, показал А. А. Штахель в своем докладе «Клаузевиц и Сунь-цзы: две стратегии».

Трактат Сунь-цзы, внимание к которому привлек Ли Шиюнь в работе «Сунь-цзы бинфя юй цзе гуаньли» (Воинское искусство Сунь-цзы и руководство производством. Нанкин, 1984), вошел в число 20 книг, представляющих китайскую культуру, по «Шэкэ синь шуму» (Каталог новых изданий по общественным наукам. Пекин, 1985. № 139. 30 августа). Из созданных до нашей эры произведений в тот же список входят «Хань Фэй-цзы»¹⁰⁵, «Исторические записки» Сыма Цяня¹⁰⁶ и далее роман «Сон в Красном тереме» (XVIII в.)¹⁰⁷. Таким образом, в Китае стратегемы с древнейших времен играют важную роль. В течение столетий вновь и вновь возникали идиоматические выражения, образные, метафорические обороты речи для стратегем различного рода. Эти обороты оттачивались народным сознанием и создавались авторами сочинений по военной теории, философии, истории и литературе. Под «стратегемными» метафорами скрываются выражения, относящиеся к историческим событиям, отстоящим от нас на 2000 лет, и к народным преданиям, повествующим об обстоятельствах, в которых применялась та или иная стратегема. И собрание 36 стратегем с лингвистической точки зрения представляет собой список из 36 речевых оборотов.

Полный список 36 стратегем состоит всего из 138 китайских иероглифов. 138 поделить на 36 будет 4, итак, лишь по 4 иероглифа на каждую стратегему. Таким образом, языковой материал для отдельной стратегемы весьма ограничен. Зато эта языковая скупость представляет большое место для многообразных изложений и толкований. Да, изложения и толкования здесь необходимы. Потому что прямое значение стратегемы, данное в обособленных метафорах, без разъяснения и примера, осталось бы непонятным.

¹⁰⁴ «Трактат о военном искусстве» долгое время считался произведением древнекитайского полководца Сунь У, который жил в царстве У в период «Весны и Осени». В настоящее время ряд исследователей считают, что авторство трактата принадлежит другому выдающемуся стратегу Древнего Китая, полководцу Сунь Биню. Сунь Бинь в период «Сражающихся царств» находился на службе в царстве Ци (см.: Древнекитайская философия. Собр. текстов: В 2 т. М., 1972. Т. 1. С. 201).

¹⁰⁵ «Хань Фэй-цзы» – философский трактат, излагающий идеи одного из крупнейших теоретиков школы «фа-цзя» – законников, или «легистов», – Хань Фэя (ум. 233 до н. э.). Хань Фэй придерживался взглядов, отражавших стремление к созданию сильной централизованной государственной власти (см.: Древнекитайская философия. Т. 2. М., 1973. С. 224–283).

¹⁰⁶ Сыма Цянь (145–86/74) – выдающийся историк Древнего Китая, «китайский Геродот», автор «Ши-цзи» – «Исторических записок», огромной хроники политической жизни Древнего Китая. В настоящее время предпринимается полное русское издание этого труда, который выходит в свет в переводе, под редакцией и со вступительной статьей и комментариями Р. В. Вяткина (см.: Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 1. М., 1972; т. 2. М., 1975; т. 3. М., 1984; т. 4. М., 1986; т. 5. М., 1987; т. 6. М., 1993).

¹⁰⁷ «Сон в Красном тереме» – роман Цао Сюэциня (1719–1763). «...Если вы хотите познакомиться с китайской жизнью, до сих пор замкнутой для нас в высших сферах, то только и можете получить сведения из этого романа», – писал знаменитый китаевед XIX в. академик В. П. Васильев (Васильев В. П. Очерк китайской литературы. СПб., 1880. С. 159). Имеется современный перевод романа на русский язык (см.: Цао Сюэцинь. Сон в Красном тереме / Пер. В. Панасюка. М., 1958).

До последнего времени собрание 36 стратегем в целом оставалось в Китае в некотором роде тайным знанием. Отсюда, однако, не следует, что большинство китайцев не было знакомо с отдельными оборотами из этого списка с малых лет. Большую популярность стратегем следует возводить прежде всего к китайской народной литературе. Известные практически каждому китайцу классические новеллы часто представляют собой истории о стратегемах. Первое место тут занимает исторический роман «Сань го янь-и» («Троецарствие»). К нему можно относиться как к учебнику стратегем. В нем описывается масса военных хитростей и даются все подробности их планирования и выполнения. Правду говорит старая китайская поговорка: «Кто прочитал повесть о трех царствах, тот умеет применять стратегемы». К тому же и современные средства массовой информации продолжают заботиться о том, чтобы стратегемы не пришли в забвение, вставляют их во внутривластные репортажи и комментарии к антинародным действиям определенных функционеров или во внешнеполитический анализ событий, осуждаемых Китаем. Популяризации 36 стратегем служат даже комиксы. Так, в 1981 г. в провинции Цзилинь разошлось издание 6-серийного комикса под заглавием «36 стратегем» в 1 140 930 экземпляров, а в 1982 г. в Гуанси вышло 400 000 экземпляров 12-серийного комикса «Собрание 36 стратегем о воинском искусстве». Очевидно, в наши дни 36 стратегем известны каждому школьнику. Так, в первом томе «Чжунсюэшэн байкэ чжиши жи ду» (Ежедневное энциклопедическое чтение для учеников средней школы. Пекин, 1983) на 24 января указан список 36 стратегем.

Расцвет китайской литературы о стратегемах

Область значения «цзи» простирается от ничтожной уловки или совершенно спонтанного сиюминутного действия до целой запланированной системы поведения:

в затруднительной, исключаящей прямой образ действий ситуации, причем контрагент «проводится» – в широком смысле слова —

в положение, в котором он не ориентируется, инсценированное противной стороной и часто воздействующее своей театральностью или же возникшее независимо от противной стороны;

с определенной целью, которую лицо, использующее стратегию, воспринимает как хорошую, а контрагент – не обязательно как плохую.

Стратегемы могут относиться к различным категориям, как то:

камуфлирование (чем-то правдоподобным);

введение в заблуждение (чем-то ложным);

захват добычи;

блокада;

получение преимущества;

соблазнение и

бегство.

Кроме того, имеются стратегемы различной степени утонченности, обман на словах и в действиях, специальные военные хитрости и уловки, которые с тем же успехом можно применять в политической и частной жизни.

По своей глубинной концепции стратегемы выводятся из древнего китайского представления (впервые письменно зафиксированного в «Книге перемен») о взаимодействии между двумя противоположными космогоническими принципами, теневым Инь и солнечным Ян. В особенности это представление выражается в упоминавшейся уже игре Видимого, находящегося на свету, и Невидимого, проводимых втайне планов и мероприятий. Отдельные китайские стратегемы пронизывает даосская концепция недеяния – у вэй; эти стратегемы частично принадлежат к духовным достижениям «легистов», наиболее выдающимся представителем которых является Хань Фэй (ум. 233 до н. э.), в особенности к «технике власти» (шу), которую «легисты» помещали в сердце властителя рядом с «законным правом» (фа) и сохранением «положения» (ши). Множество примеров применения стратегем проникнуты идущим от «легистов» духом государственной мудрости с его приоритетом государственных интересов над конфуцианскими этическими нормами.

В последние годы в китайскоязычном мире, то есть в КНР, Гонконге, на Тайване, вышло много монографий о 36 стратегемах.

В 1962 г. Архив политического института Китайской Народно-освободительной армии опубликовал без комментариев трактат неизвестного происхождения о 36 стратегемах. Этот трактат был случайно найден на мостовой в 1941 г. неким Шу Хэ в главном городе провинции Сычуань Чэнду. Он был выпущен чэндуской типографией «Синьхуа», на титульном листе большими иероглифами стоит надпись «36 стратегем» и ниже мелким шрифтом: «Тайная книга воинского искусства». Книжечка, напечатанная на бумаге ручного изготовления, привлекла к себе внимание. Затем выяснилось, что это издание рукописи, которая тогда же, в 1941 г., была обнаружена в книжной лавке в Биньчжоу, провинция Шаньси.

Обретенный в 1941 г. Шу Хэ экземпляр «Трактата о 36 стратегемах» содержит короткое введение и заключение. Главная часть состоит из 36 главок.

Они озаглавлены как:

ди-и цзив («Первая стратегема»);

диэр цзи («Вторая стратегема»)

и так далее, до тридцать шестой стратегемы.

После этого заглавия в каждой из 36 главок идет состоящее из трех-четырёх иероглифов обозначение стратегемы, затем следует весьма абстрактный, часто со ссылками на «Книгу перемен», комментарий. Заключает каждую главку разъяснение стратегемы. Здесь приводятся примеры, почти исключительно из китайской истории, конкретных применений каждой стратегемы.

Когда в Китае начала развиваться политика открытости, обнаруженный в 1941 г. трактат вышел в 1979 г. в провинции Цзилинь (иллюстрированное переиздание – март 1987 г.). В этом издании дан оригинал трактата на классическом китайском, перевод его на современный китайский язык и комментарий. Предисловие цзилиньского издания содержит также некоторые предположения о происхождении трактата. Многочисленные отсылки на «Книгу перемен» могут указывать на то, что составитель трактата находился под влиянием Чжао Бэньсюэ или кого-то из его учеников. Чжао Бэньсюэ (1465–1557), военный теоретик эпохи Мин (1368–1644), впервые систематизировал положения военного дела на основе «Книги перемен», проведя основную идею «Книги перемен» о постоянном взаимодействии Инь и Ян в диалектику военных действий и выявив противоположности типа:

казаться и быть;
большинство и меньшинство;
сила и слабость;
лобовая атака и засада;
необычное и общепринятое;
продвижение вперед и отход.

Похоже, что обнаруженный в 1941 г. трактат является более ранним, чем список 36 стратегем тайного общества Хунмынь, а именно относится к концу минского – началу цинского времени (XVI–XVII вв.). Следующую монографию о 36 стратегемах выпустило в 1981 г. пекинское Военное издательство («Чжаньши чубаньшэ») под заглавием «36 стратегем в современной обработке». В основе этой книги лежит все тот же старый «Трактат о 36 стратегемах», но, кроме того, приводятся также примеры применения стратегем в новые и новейшие времена, и к тому же не только в Китае. В марте 1991 г. вышло девятое издание этой книги (более 1,5 млн экземпляров). На Тайване в 1982 г. вышла монография «Тайная книга 36 стратегем с комментариями», основанная на цзилиньском издании 1979 г. 19 изданий за 9 лет (1976–1985) выдержала в Тайбэе брошюра «Хитрость в сражении» с подзаголовком «36 стратегем». По содержанию она вплоть до предисловия аналогична появившейся в 1969 г. на гонконгском рынке книге «36 стратегем с примерами из древнего и нового времени».

В сентябре 1987 г. мне удалось купить в Сеуле три корейские и в Токио пять японских работ о 36 стратегемах. Самая старая из японских публикаций датировалась 1981 г. Никакие публикации на эту тему в США и Западной Европе мне не известны.

Моя статья о 36 стратегемах, появившаяся во «Frankfurter Allgemeinen Zeitung» 14 января 1977 г., возбудила немалый международный интерес, прежде всего, насколько мне известно, в Советском Союзе. На 27-м европейском синологическом конгрессе в Цюрихе (1981) профессором В. А. Кривцовым из советской Академии наук был сделан доклад о стратегемах в китайской политике. Этот доклад, резко раскритикованный делегатом из КНР, не

был опубликован в материалах конференции. Материалами и стимулами к написанию данной книги я обязан изданиям на китайском языке из КНР, Тайваня и Гонконга.

Мир стратегем

При сравнении китайских изданий возникает впечатление, что в КНР на первый план выводится внешнеполитический и военный аспекты 36 стратегем. В предисловии к пекинскому изданию книги «36 стратегем в современной обработке» говорится:

«Эта публикация обусловлена потребностью знать и применять стратегемы в военном противостоянии. Рядом с марксистской военной теорией это историческое достижение должно занять подобающее место и послужить основой для развития современного военного искусства стратегем».

И далее:

«Древняя китайская пословица говорит: на войне не следует пренебрегать хитростью. Теория стратегем составляет важную часть военной теории. Когда командир берет инициативу в свои руки, многое зависит от того, сможет ли он внезапно поставить мат противнику, то есть сумеет ли он победить противника благодаря искусно примененным стратегемам. Это позволит ему сделать плохое положение хорошим и с малым числом войска победить превосходящие силы противника. И возможно, ему удастся поставить противника на колени, вообще не прибегая к военным действиям. Поскольку лежащие в основе военного искусства стратегем принципы имеют в высшей степени общую природу, они обладают большой жизненной силой в качестве общих оснований военной стратегии и тактики. В этом качестве 36 стратегем тысячи раз были испытаны и остаются применимыми до сих пор. Благодаря развитию науки и техники возникли новые средства применения стратегем и стратегемы наполнились новым содержанием, но основное содержание стратегем остается стабильным. Поэтому руководящая роль стратегемного планирования и для ведения современной войны остается более важной, чем общие принципы военной стратегии и тактики».

В цзилинском издании 1979–1987 гг. в предисловии также подчеркивается военный характер стратегем:

«Трактат о 36 стратегемах» принадлежит к области так называемого военного дела. Это энциклопедия тех приемов, которые военные теоретики, начиная с Сунь-цзы (VI–V вв. до н. э.), обозначали как Гун Дао [«Путь введения противника в заблуждение»]».

В китайской литературе появлялись также и критические замечания в адрес 36 стратегем, как, например, в цзилинском издании 1979–1987 гг:

«Наблюдается в 36 стратегемах также загнивание реакционно-феодальных отбросов, а именно в тех стратегемах, которые нацелены на завоевание военной добычи. Здесь необходим критический подход».

Тайбэйские и прежде всего гонконгские публикации, напротив, обращают внимание прежде всего на возможность употребления стратегем в частной жизни. Так, в предисловии к 19-му изданию книги «Хитрость в бою – 36 стратегем» (Тайбэй, 1985) подчеркивается:

«Стратегемы подобны невидимым ножам, которые спрятаны в человеческом мозгу и сверкают, только когда их вздумаешь применить. Применяют их военные, но также и политики, и купцы, и ученые. Тот,

кто умеет применять стратегемы, может мгновенно превратить в хаос упорядоченный мир или упорядочить хаотический мир, может вызвать гром среди ясного неба, превратить бедность в богатство, презрение в почтение и безнадежную ситуацию в выигрышную. Человеческая жизнь – это борьба, а в борьбе нужны стратегемы. Каждый человек стоит на линии фронта. Краткий миг рассеянности – и вот уже что-то, принадлежащее одному человеку, досталось в добычу другому. Но тот, кто умеет применять стратегемы, всегда удержит инициативу в своих руках. Во дворце или в хижине, но стратегема пригодится всегда».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.